

Алексей Писемский

Ипоходрик

Алексей Феофилактович Писемский

Ипоходрик

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661495

Собрание сочинений в пяти томах. Том второй. Повести, рассказы, очерки. Драмы: Художественная литература; М.:

1982

Аннотация

«**Дурнопечин** (*сидит один перед столом в ваточном пальто*). Удивительное дело, как идет жизнь моя!.. Страх какой-то... тоска... скука... (*Грустно усмехаясь.*) А как другие-то, посмотришь, прекрасно живут: веселые такие... смелые... жизнь как-то умеют пользоваться, а ты вот сиди себе да думай; но это бы еще ничего – жил бы себе просто, так нет!...»

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	7
Явление I	8
Явление II	10
Явление III	14
Явление IV	15
Явление V	19
Явление VI	23
Явление VII	29
Действие второе	31
Явление I	32
Явление II	38
Явление III	39
Явление IV	43
Явление V	44
Действие третье	49
Явление I	50
Явление II	54
Явление III	58
Явление IV	62
Явление V	63
Явление VI	65
Явление VII	66

Явление VIII	74
Явление IX	75
Явление X	76
Явление XI	77
Действие четвертое	79
Явление I	80
Явление II	84
Явление III	88
Явление IV	89
Явление V	90
Явление VI	96
Явление VII	102
Явление VIII	103
Явление IX	104
Явление X	107
Явление XI	110
Явление XII	114
Явление XIII	117
Примечания	122

**Алексей Феофилактович
Писемский
Ипохондрик
*Комедия в четырех
действиях***

Действующие лица

Николай Михайлыч Дурнопечин (ипохондрик), 35 лет.

Соломонида Платоновна, тетка его, 60 лет.

Прохор Прохорыч Дурнопечин, брат Н. М. Дурнопечина в 4-ом колене, 48 лет.

Настасья Кириловна Белогривова, дама лет 50, дальняя родственница Н. М. Дурнопечина.

Ваничка, сын ее, 21 года.

Надежда Ивановна Канорич, девица, 36 лет.

Михайло Иваныч Канорич, брат ее, 33 лет.

Никита, слуга Дурнопечина, 40 лет.

Сергей, цирюльник, слуга Соломовиды Платоновны, 22 лет.

Действие происходит в уездном городе, в 40-х годах.

Действие первое

Театр представляет комнату вроде кабинета, стол с различными вещами, мебель хорошая, на диване разложено платье, на стене висит большое зеркало.

Явление I

Дурнопечин (*сидит один перед столом в ваточном пальто*). Удивительное дело, как идет жизнь моя!.. Страх какой-то... тоска... скука... (*Грустно усмехаясь*.) А как другие-то, посмотришь, прекрасно живут: веселые такие... смелые... жизнью как-то умеют пользоваться, а ты вот сиди себе да думай; но это бы еще ничего – жил бы себе просто, так нет!.. Беспрестанно насакиваешь на такие затруднительные положения, из которых не знаешь как и вывернуться: на родину было приехал, чтобы подышать чистым воздухом и успокоиться, и вдруг отыскивается какая-то старая любвишка! мальчишкой бывши, за барышней одной, Надеждой Ивановной Канорич, тут ухаживал, а теперь она пишет, что руки на себя наложит, если не женюсь на ней; но какой я жених?.. Куда я годен? А с другой стороны, подумаешь, что если в самом деле она руки на себя наложит? Что тогда ляжет на совесть? Пожалуй, и сам не перенесешь... Особенно при моем здоровье... Вон опять начало давить под ложечкою... Так!.. Пора!.. Ох, уж это мне утро... Вчера даже мало и ужинал, желудок должен бы быть хорош... (*Берет зеркало со стола и смотрит язык*.) Ну, так и есть: желтоват! С краев-то ничего – красен; а в

середине желтоват!

Явление II

Входит Никита. Дурнопечин и Никита.

Никита (*про себя*). Опять рот пялит перед зеркалом.

Дурнопечин (*услышав его шаги*). Это ты, Никита?

Никита (*довольно грубо*). Я-с!

Дурнопечин. Поди вот тут встань поближе ко мне!

Никита подходит нехотя.

Скажи ты мне, братец, только смотри говори правду: не чувствуешь ли ты по утрам или после обеда, вечером, этакого неприятного ощущения... тяжести?

Никита. Нет-с: этого, кажись, не чувствую.

Дурнопечин. Припомни-ка хорошенько!

Никита. Чего припоминать-то, право, не чувствую-с!.. Вон грешным делом иногда с похмелья, так болит голова по утрам.

Дурнопечин. По крайней мере не хочется ли тебе этак, вставши поутру, поскорей бы на воздух? Или вот, например, скажи мне, братец: можешь ли ты сейчас поутру ваниматься чем-нибудь? Не чувствуешь ли ты этакой тоски... лени?

Никита *(с улыбкою махнув рукою)*. Не знаю, что вы такое говорите! Наше известное дело: не хочешь, да делаешь... Вон за водой сходишь, сапоги вычистишь, самовар тоже велишь поставить поваренку... Не этакая жизнь-то, как ваша: валяться некогда!

Дурнопечин *(рассердясь)*. Что ты за околесную горишь? Черт тебя знает: о сапогах да о самоваре мелешь! Все не то говоришь, о чем тебя спрашивают.

Никита. Что мне говорить-то?.. Я ведь не барин какой-нибудь поученой.

Дурнопечин. Ну, ладно, ступай!

Никита хочет уйти.

(Проведя рукою по лбу и сконфуженным голосом.)
Никита, постой... Не уходи! У меня опять, братец, изурительная испарина показалась.

Никита. Ничего нет, никакой совсем испарины не бывало.

Дурнопечин. Как нет?.. Дай-ка сюда руку! *(Берет у Никиты руку и водит ею по своему лбу.)* На лбу-то не чувствуешь? Что, нет?.. А? Нет, спорщик этакой?

Никита. Ну что ж?.. Есть!.., показалась маленькая!.. Вы ведь, уже известно: давнишний трус. Еще молоденьким были, – прыщик, бывало, какой-нибудь вскочит: «Ой, совсем погиб и не вылечусь».

Дурнопечин. Хорошо теперь прыщик!.. Упадок всех жизненных сил. В лечебнике именно сказано; «начинается тоскою, апатиею, а там и конец делу»!

Никита. Ну да, как же! Вы все знаете.

Дурнопечин. Конечно, знаю.

Никита. Бога, сударь, вы только гневите, вот что-с. Накликаете на себя разные болезни.

Дурнопечин. Где же я накликаю? Испарину, я думаю, ты сам видел.

Никита. Что ж испарина? Испарина у кажинного человека есть.

Дурнопечин. Однако у тебя ее нет.

Никита. Почему я знаю... может, у меня есть!.. Настоящим-то манером вы, видно, больны-то еще не бывали, – да-с! А вон как я в Москве, в мальчишках, в горячке лежал, так вот уж лежал: оглох совсем, ни руки, ни ноги не владели; доктора говорили, что непременно умру, а после через месяц, по милости божией, так начал кашницу уписывать, только давай; харч ей-то только исправных не было.

Дурнопечин. Горячка!.. Что такое горячка?.. В горячке человек или выздоровеет, или совсем умрет, а у меня другое дело...

Никита. Ау вас и совсем ничего нет – вот что у вас! Так вы только больно уж робки, лучше бы погулять, сударь, сходили: на базаре народу видимо-невидимо!

Дурнопечин. Мне бы самому хотелось, да не холодно ли?

Никита. Никакого нет холода; лучше проветритесь.

Дурнопечин. Ну, хорошо!.. Что же я надену?

Никита. Так ступайте, пальто-то ватное.

Дурнопечин. Нет, нельзя так!.. Простудишься! Дай хоть кашемир.

Никита. Зачем кашемир?.. Лучше простынете!

Дурнопечин. Какие ты глупости говоришь? Давай, когда велют: – весь в испарине, а ступай в одном пальто.

Никита подает кашемир, которым Дурнопечин старательно обматывает себе шею, закладывает уши пенькою и, надев теплую шапку и калоши, идет.

Никита *(вслед ему)*. Что обедать-то прикажете готовить?

Дурнопечин *(за сценою)*. Ну, что-нибудь, братец, как будто не знаешь.

Явление III

Никита *(с сердцем)*. Да я почем знаю; теперь вот не говорит, а ужо станет спрашивать, отчего того да другого нет. *(К публике.)* Каждое утро этакие штуки откальывает, поди ты: что с ним сделаешь? *(Передразнивая Дурнопечина.)* «Ой, не могу ничего есть, ой, ничего не надо, и слышать, говорит, о пище не могу»; а как проголодается, так всего давай; уписывает так, что за ушами трещит; а наестся, опять за те же манеры, удивительная вещь – право!.. Болен, говорили вон в Москве, в какой-то апохондрии, – экая болезнь славная!.. Все на ногах, да ничего и не худеет. С жиру бесится – вот что – да!.. Как бы посадить на постные щи да заставить бы, как мужика, воза два дров перерубить, так бы все прошло!.. Расхныкался, зачем вот пот в ваточном сертуке прошибает, – экая беда случилась!

Явление IV

Появляется Настасья Кириловна, а за ней Ваничка.

Настасья Кириловна (*растопыривая перед Никитой руки*). Никитушка! друг мой... тебя ли я вижу? Еще господь бог привел с вами встретиться... Поцелуемся, друг мой! (*Хочет поцеловать Никиту.*)

Никита (*целуя у ней руку*). Как возможно-с!.. Пожалуйста ручку.

Настасья Кириловна. Ничего, ничего, мой друг, лучше бы поцеловались... Ох, задохнулась, бежавши... Сейчас только узнала, что вы здесь; но где же дядюшка-то? Дай мне его, ненаглядного, поскорее увидеть.

Никита. Они гулять ушли.

Настасья Кириловна. Как гулять ушел? Разве он ходит еще? А ведь меня напугали, сказали, что он ужасно болен.

Никита. Здоровье наше известное, каждый день все хвораем.

Настасья Кириловна. Слышала, слышала... и ты-то, Никитушка, что-то похудел, точно лицо-то ободранное... и ты-то уж не болен ли?

Никита. Нет-с, я ничего: мы не господа, хворать не

любим.

Ваничка, смотревший первоначально на потолок, на стены, подошел к большому зеркалу и начал оглядывать себя в разных положениях.

Настасья Кириловна. Что говорить, конечно: человек простой всегда бывает здоровее; но дядюшка-то... Ах, творец небесный! Все это время я как будто бы предчувствовала: в город ехать не надобно, а хочется... Ваничка тоже подмывает; но Алексей Яковлич у меня ведь прескупой-скупой на лошадей: как ехать куда-нибудь, так и история, хоть до драки дело! Ну, думаю, впрочем, ничего! Встала сегодня еще в четыре часа утра, велела потихоньку заложить бричку, разбудила Ваничку: поедем, говорю, друг мой, покуда папенька спит, так в пять часов и укатили, он еще и не просыпался. Да ты узнал ли, Никитушка, моего Ваничку-то? Посмотри, батько, какой молодец вырос! Ваничка, поди, друг мой, познакомься, – это камердинер дяденьки.

Ваничка (*с важностью Никите*). Ты лакей, что ли, дедушкин?

Никита (*мрачно*). Лакей-с.

Настасья Кириловна. Еще какой лакей-то?.. Редкостный, можно сказать, по своему усердию. Вон и я

своей прислуге все говорю: вот, говорю, берите пример с дяденькина человека, вот служит, так служит! *(Обращаясь к сыну.)* Ваничка, тебе, может быть, трубки покурить хочется? Угости его, Никитушка, трубочкой! У вас, богачей, верно, уж есть табак. Он у меня презастенчивой, никогда сам ничего не попросит.

Никита. Ну, этого добра у нас нынче и в заводе нет; барин с полгода как перестал курить, доктора запретили.

Ваничка *(с досадой)*. Что это, маменька, вы все просите! У меня свои папиросы есть. *(Вынимая из кармана самодельную папироску, Никите.)* Дай мне огня!

Настасья Кириловна. Ну, когда есть, так и прекрасно! Дай ему, Никитушка, огня, да расскажи мне что-нибудь про дядюшку.

Никита *(подавая Ваничке спички, который закури-вает папироску)*. Что дядюшка?.. Слава богу—ничего!

Настасья Кириловна. Очень он слаб?

Никита. Ничего-с!

Настасья Кириловна. А бледен этак и худ?

Никита. И этого ничего нет!

Настасья Кириловна. Ударов с ним не бывало ли? Нынче все больше удары поражают.

Никита. Какие удары?.. Так вот только робки они очень и сумнительны.

Настасья Кириловна. Ты этого не говори, Никитушка! Эти параличи прескритная болезнь: вначале их и заметить трудно, а тут вдруг одним разом и покончит... сделал ли он по имению-то своему распоряжение? Ведь бездетный, Никитушка, сам согласись. Вот хоть бы взять с тебя: дал ли он тебе вольную-то? Обеспечил ли тебя?

Никита (*стыдливо*). Нет-с, не давал...

Настасья Кириловна. Стало быть, он ничего этакое о духовной не думал, завещания еще никакого не писал?

Никита. А бог их знает... Со мной не станет об том говорить.

Настасья Кириловна. Конечно, конечно, Никитушка! Я только так спросила, потому что неровен час... эти вещи всегда нужно делать заблаговременно, а особенно при слабом здоровье... Ваничка, не хочешь ли, друг мой, чаю? Тридцать верст ведь проехали... Угости, Никитушка, чайком, да и хлебца белого вели подать: есть что-то хочется.

Никита. Сию минуту-с! (*Уходит.*)

Явление V

Настасья Кириловна и Ваничка.

Ваничка. Мы здесь долго, маменька, просидим? Мне к Надежде Ивановне хочется.

Настасья Кириловна. Ах ты, дурачок, дурачок этакой! Балую я тебя очень: не то бы мне с тобой надобно делать. Какой еще ты жених.

Ваничка. Вот вы, маменька, и на попятный двор — это уж подло... У ней сто душ-с. Я вам денег за это дам; мне жениться на ней очень хочется. Она добрая-с: все со мной заигрывает.

Настасья Кириловна. Не пойдет она, мне кажется, за тебя, Ваничка! Конечно бы, недурно, да молод ты еще очень.

Ваничка. Нет, маменька, ничего, пойдет! Я ей одну штучку скажу, так пойдет.

Настасья Кириловна. Ах, боже мой, боже мой! Молодо-зелено. Но только, друг мой, погодим еще; здесь еще нам надобно побыть, здесь-то нам большая польза может быть!.. Посмотри-ко, комната-то, какая отличная!.. Вещи-то все какие богатые... Поди-ко сюда, погляди: какое пальто бесподобное. Вот бы тебе такое; я думаю, чай, в пору будет.

Ваничка (*рассматривая пальто*). Да-с, маменька, пальто важное; пуговицы, должно быть, московские, здесь этаких совсем нет.

Настасья Кириловна. У него все московское, — страшный ведь богач! Надень-ка, примеряй, друг мой!

Ваничка надевает и охорашивается.

Ах, как прелестно на тебе сидит... бесподобно! Ну, погоди, друг мой, мы у него как-нибудь его выханжим.

Ваничка (*смеясь*). Не даст, маменька, жалко будет.

Настасья Кириловна. Ай нет, не говори; он предобрейший и преродственный всегда был, а теперь и подавно: куда ему беречь. Говорят, не сегодня, а завтра ляжет в могилу. (*Таинственным полупшепотом.*) Я даже думаю о духовной его попросить: не сделает ли он духовной на наше семейство.

Ваничка (*еще более смеясь*). Ой, маменька, какие, я вижу, вы ловкие. Недаром папенька говорит, что вам бы на бедность ходить собирать: вы бы у мертвого выпросили.

Настасья Кириловна. Что же такое? Это не воровство какое-нибудь: женщина не мужчина, чем ей промышлять для семейства? А папеньке твоему уж обыкновенно: чем бы-нибудь только да обидеть меня! (*Подходя к столу.*) Ах, здесь-то, здесь-то, Ванич-

ка, посмотри: какие прелести. *(Берет папиросницу.)*
Это что еще такое? Бумажник, что ли?

Ваничка. Нет, маменька, это папиросница. Вот бы это мне нужна штука!

Настасья Кириловна. Возьми!

Ваничка *(сомневаясь)*. Ай нет, стыдно!

Настасья Кириловна. Ничего, возьми, право, возьми, я ему сама после скажу. Из кармана-то у тебя со-
вестно уж будет взять. *(Сует ему папиросницу в карман.)*

Ваничка. Ну, маменька, смотрите, как он рассердится да браниться начнет.

Настасья Кириловна. Вот пустяки: этакой благородный человек рассердится! Еще очень будет рад, что по-родственному без церемонии позаимствовались.

Ваничка. Ну, ладно, маменька, я все на вас сворочу: прямо скажу, что это вы подтибрили.

Настасья Кириловна. Ну, хорошо, говори на меня, что с меня, старухи, взять. *(Осматривая комнату.)*
Чего бы у него еще попросить? Право, уж и не знаю... Разве вот шапку тебе бобровую. Помнишь, ты у меня еще все просил.

Ваничка. Ну, уж это дудки-с!.. Эта вещь дорогая, – рублей пятьдесят стоит. *(Надевает шапку, сворачивает ее набок и смотрится в зеркало.)* А ведь славно,

маменька, точно какой турка.

Явление VI

Те же и Дурнопечин.

Настасья Кириловна (*всплеснув руками*). Ах, дядюшка!.. (*Бросается обнимать Дурнопечина.*) Ваничка, обнимай дедушку!

Ваничка быстро снимает шадку и тоже обнимает его.

Батюшко!.. Милой вы мой! Красавец вы мой, бесценный! Вас ли я вижу, ненаглядный вы мой!.. Ваничка, поди, поцелуй у дединьки ручку!

Ваничка хочет поцеловать, но Дурнопечин не дает ему руки.

Дурнопечин.. Полноте, не надобно, мой милый. (*Едва приходя в себя от всех этих объятий и выходя на авансцену.*) А я вас сначала и не узнал.

Настасья Кириловна (*следуя за ним*). Мудрено ли, кровный мой! Десять лет ведь не видались. (*Показывая на сына.*) Позвольте, дядюшка, Ваничку моего вам представить – старший сын мой, дядюшка.

Ваничка (*расшаркиваясь перед Дурнопечиным*). Я вас, дедушка, вовсе не таким вообразал.

Дурнопечин (*более погруженный сам в себя*). А каким же?

Ваничка. Да я думал, что вы сусами-с!

Настасья Кириловна (*перебивая сына*). Он, по нашим-то словам, дядюшка, вас вообразал таким молодцом, каким прежде вы были.

Дурнопечин. Стало быть, я очень переменялся?

Настасья Кириловна. Ах, дядюшка, узнать нельзя. Вот как бы, кажется, на дороге встретились да наплевали в глаза, так и тут бы не признала.

Дурнопечин (*грустным голосом*). Все болен, Настасья Кириловна.

Ваничка. Вы бы, дедушка, верхом катались... Вон у папеньки только от этого и проходит.

Настасья Кириловна (*перебивая его*). Что это, Ваничка, ты про папеньку говоришь, у него уж болезнь известная – геморрой, от которой моционом лечатся. А дядюшка, как я вижу, так весь расстроен.

Дурнопечин (*еще более грустным голосом*). Именно весь расстроен, не об лечении надобно думать, а о другом.

Настасья Кириловна (*тоже грустно*). Что это; дядюшка... Конечно, болезнь, видно, большая, однако, мой бесценный, почему же и не пользоваться: вот бы

вы попробовали каждое утро огуречный рассол пить или можжужной квас! Одна моя знакомая так от водяной этим вылечилась, да и водяная-то с ней от пьянства приключилась, доктора сказали, что просто неизлечима.

Дурнопечин. Вздор какой!.. Поможет мне огуречный рассол.

Ваничка. Вы, должно быть, дедушка, в самом деле этакой больной, все только про болезнь говорите.

Дурнопечин. Не удивляйся, братец! Может быть, и сам будешь такой же хилой, как я...

Настасья Кириловна. Но что такое с вами, отец мой? Скажите на милость.

Дурнопечин *(с горькой улыбкой)*. Что такое со мной? Видишь, ничего!

Настасья Кириловна. Да вы уж очень, дяденька, в отчаянье-то приходите. Если даже вы и дурно себя чувствуете, добрые дела по крайней мере старайтесь делать; это, дяденька, лучше всяких докторов помогает! Вот вы приехали сюда, не забудьте-ко ваших родных, которые вас истинно любят и уважают, так поверьте, что сейчас же все пройдет! *(Переминаясь.)* Вот бы я, дяденька, с пребольшой моей просьбицей к вам; знаете, я думаю, отец мой, наше состояние! семейство большое, а воспитывать нечем! Ваничку теперь, по несчастью, выключили из гимназии, за непо-

нятие в науках. Надобно бы в службу определить, а одеть не на что!.. Вот нынче пальты все носят, а у него ничего нет! Не пожалуете ли ему, отец мой, вон это серое пальтишко?.. У вас оно, я думаю, валяется, а он бы в нем по праздникам нащеголялся. Ваничка, друг мой, проси дедушку, что это ты какой застенчивый!

Ваничка *(сконфузившись и улыбаясь)*. Дедушка!

Дурнопечин. Разве оно тебе нравится?

Ваничка. Нравится, дедушка!

Дурнопечин. Возьми!

Настасья Кириловна и Ваничка опять ловят у Дурнопечина руку, чтобы поцеловать ее.

(По-прежнему не давая руки с некоторой досадой.)
Перестаньте!.. Что за глупости.

Настасья Кириловна *(почти сквозь слезы)*. Вы, дядюшка... вот бы... господи боже мой, и говорить-то не смею! Презентуйте ему, отец мой, еще шапочку... стыдно сказать, а головы прикрыть нечем.

Дурнопечин. Какую это?

Настасья Кириловна. Да вон бобровую-то, дяденька! Она у вас уж и поистерта.

Дурнопечин *(с явной уже досадой)*. Возьмите, пожалуйста!

Настасья Кириловна *(совсем плача)*. Один только

бог может вас наградить, что не оставляете сирот, Ванюшка, надень же все подарки-то и покажись дедушке.

Дурнопечин. Нет, после... Я после на него посмотрю. *(Садится за стол и в каком-то отчаянии опускает голову на руки.)*

Настасья Кириловна *(всплескивая руками и как бы в сторону).* Легче бы, кажется, глаза мои не видели этого человека. *(Обращаясь к Дурнопечину и сильно убеждающим тоном.)* Вы, дяденька, по крайней мере вспомните то, что есть старики, которые, что называется, доживают последние минуты, и те... ну, обыкновенно думают, как бы заблаговременно распорядиться, чтобы память их могли помянуть настоящим образом... Я вот только говорить вам не смею... Ну, да, впрочем, кого любишь, так говорить можно прямо: человек вы холостой, одинокий, – подумали ли вы, отец мой, о духовной... Этого дела всякому человеку никогда откладывать не следует.

Дурнопечин *(с горькой улыбкой).* Так, по-твоему, мне пора уж подумать и о духовной?

Настасья Кириловна. Я, дяденька, не к этому говорю. Конечно, вам не последний еще пришел конец; но ведь, отец мой, этакое важное дело надобно делать, ах! в каком здравом рассудке.

Дурнопечин. В здравом рассудке! Да, конечно!.. А у меня уж скоро совсем его не будет... Спасибо, хоть

правду говоришь.

Настасья Кириловна. Всегда, дяденька, говорю правду, такой уж глупой характер... Вот хотя бы и про себя – не могу перед вами скрыть: бедность, дяденька, совсем меня погубила – Алексей Яковлич ничего не дает мне на семейство: чайку, дяденька, по три месяца в глаза не видим, только в гостях где-нибудь и полакомимся, а дома, не поверите, все сидим на простых щах... Не осчастливите ли, благодетель мой, не пожалуете ли чего-нибудь по дарственной или хоть по духовной!.. Человек вы холостой. У вас все прахом пройдет... Ваничка! Что это ты сидишь – умоляй дедушку благодетельствовать тебя!

Ваничка встает.

Дурнопечин (*махая им рукой*). Ну, хорошо... ладно... я сделаю, только ступайте, уйдите туда, в гостиную.

Настасья Кириловна (*струсив*). Дядюшка! Да вы не осердились ли?

Дурнопечин. Нет, уйдите только поскорее.

Ваничка. Пойдемте, маменька! Дедушка, может, соснуть хочет!

Настасья Кириловна (*робко*). Пойдем!

Явление VII

Дурнопечин (*протягиваясь на диване, на котором сидел*). Все кончено теперь! Все это видят и знают; а я, глупец, думал еще жить, думал жениться, послужил бы даже, а вот теперь женись и служи, особенно при таком сердцебиении. (*Хватая себя за бок.*) Пожалуй, и сейчас лопнет артерия. (*Кричит с испугом.*) Никита! Никита!.. Где ты, злодей этакой!.. Поди сюда.

С противоположных сторон вбегают Никита и Настасья Кириловна с Ваничкой.

(*Продолжая кричать.*) Доктора мне и священника!.. Умираю!.. Умираю!

Никита (*немного уже и испуганный*). Ах ты, царь небесный, что это за барин такой! (*Обращаясь к Настасье Кириловне и Ваничке.*) Поглядите за ним ма-неничко, а я побегу. (*Поспешно уходит.*) Настасья Кириловна и Ваничка приближаются к Дурнопечину.

Дурнопечин (*все более и более ослабевающим голосом*). Умираю... умираю! Боже, очисти грехи мои и помилуй меня!.. (*Затем бормочет какие-то совсем несвязные слова и наконец закрывает совсем глаза.*)

Настасья Кириловна и Ваничка смотрят на него с испугом.

Занавес падает.

Действие второе

Зала в доме Канорич.

Явление I

Надежда Ивановна выходит, задумавшись. Михайло Иваныч идет за ней молодцом и курит.

Михайло Иваныч. Ну так как же?.. У вас с ним и того!

Надежда Ивановна (*в раздумье*). Да!

Михайло Иваныч. Экая ракалия – скажите пожалуйста! Нет, барин, шалишь... Не на того напал. Михайло Иванов сам из обожженных кирпичей... Ух, как я этих-то господ умею учить!.. Как, например, их мошеннические физиономии умею встряхивать! чудо! Без бани жарко у меня будет.

Надежда Ивановна. Не кляни его, Мишель: он не виноват!

Михайло Иваныч. Прах его побери: виноват он тут или нет! Я не приказная строка, вины разбирать; а по-нашему, если он благородный человек, так фокусы выкидывать нечего, а поступай начистоту.

Надежда Ивановна. Он любил меня! Ах, если б ты только знал, как он любил меня... Если бы ты видел, сколько прекрасной души в этом человеке!

Михайло Иваныч. Ну, а теперь что же? Теперь-то куда душа у него девалась? На Нижегородскую, что

ли, прекрасная душа его уехала?

Надежда Ивановна. Теперь он совсем переменялся: его узнать нельзя.

Михайло Иваныч. Эге, любезнейшая! В том-то и штука, как он смел перемениться! Знаем мы эти дела. шамшурку где-нибудь завел, так и тянет в другую сторону. Врет, мой милый, отобьем! Слава богу, у Михаила Иванова никто еще от рук не отбивался: так пугну, что портрет мой спишет да каждый день и будет ему кланяться, чтобы помиловал. Ох, какой ведь я крутой человек на этих господ: трудно, больно трудно со мной справляться! У Михаила Иванова вот какой характер: как где увидит он этого щелкопера, так руки и чешутся, чтобы дать барину урок, да такой урок, чтобы до новых веников не забыл. Эх, сестренка! не знаешь ты своего братишку, – огневой я человек!

Надежда Ивановна. Мишель, у меня к тебе одна просьба: не брани его так, не проклинай и прости... Ты посмотри на него, как он грустен и печален.

Михайло Иваныч. Ах вы, бабы! Вам бы все сентиментальничать, а дела вы настоящего не понимаете. Ты в него влюбилась, да и замуж тебе хочется, ну, так и женись, каналья, когда случай есть.

Надежда Ивановна. Но если он, братец, любит другую, если он изменил мне в своих чувствах?

Михайло Иваныч. Тю-тю-тю! Изменил в чувствах,

любит другую! Скажите пожалуйста, какие сентиментальности! Мало чего нет, да на деле выходит, чтобы женился, так и женись.

Надежда Ивановна. Не будь так жесток, Мишель! Но только сходи к нему ж расскажи ему будто так историю, что одного человека любила одна девушка и в продолжение десяти лет только об нем и думала.

Михайло Иваныч. То есть это ты об нем десять лет думала? А курчавый капитан – это какого сорта птица, а?

Надежда Ивановна (*покраснев*). Это была, братец, ошибка, заблуждение.

Михаиле Иваныч. Скажите пожалуйста, этот господин вот – ошибка, курчавый капитан – заблуждение. Ну, а исправнический учитель тоже заблуждение?

Надежда Ивановна. Ах нет, братец, тут была совершенная клевета! Мы были только дружны и больше ничего. Но оставим это... Ты скажи ему, что эта девушка, может быть, в гроб сойдет от любви к нему, и замечай, что в это время с ним будет: побледнеет ли он, встревожится ли? А после все мне и расскажешь.

Михайло Иваныч. Нет, я совсем буду не так с ним говорить и стану наблюдать его совершенно другим манером. – Я приду, поклонюсь, конечно, и следующую к нему речь поведу: «Не угодно ли вам, скажу, милостивый государь, видеть этот кулак, то есть мой

кулак! В нем, я вам доложу, ровно десять фунтов; теперь, извольте видеть, он для вас совершенно безвреден и таковым же останется и на будущее время в таком только случае, когда вы женитесь на такой-то девице – и наименую, конечно, тебя; но если же нет! Если не так!., то извините меня: эти десять фунтов принуждены будут пересчитать ваши ребра и добраться, может быть, еще кой до чего... и до физиономии». Тут уж я и буду наблюдать: побледнеет он или нет. Струсит, – наша взяла, заартачится, – десять фунтов в ход пустим!

Надежда Ивановна (*взяв стремительно брата за руку*). О, бога ради, брат, что ты говоришь... заклинаю тебя нашей любовью: не делай этого, не убивай его, не обагрый своих рук в его крови!

Михайло Иваныч. Ох вы, женщины: слабый вы суд!.. Но, впрочем, изволь... для тебя на первый раз колотить не стану, а покуда словесно ему объясню дело, но только, знаешь, попонятнее, повразумительнее.

Надежда Ивановна. И грубо не говори с ним, братец, а скажи ему, как я тебе говорила. Если же он будет показывать, что не понял, так отдай ему вот это письмо, и тут уж смотри – глаз с него не спускай. Он должен очень сконфузиться: тут я ему напоминаю ужасную вещь.

Михайло Иваныч. Какую же это ужасную вещь? Поцелуй, что ли, во мраке ночи?

Надежда Ивановна. Нет, что поцелуй!.. Мы расстались тогда с ним. Он уехал надолго служить в Петербург, конечно, оба плакали: я заставила его поклясться мне... и подарила ему локон моих волос.

Михайло Иваныч. Вот такая у вас ужасная вещь... ну, а он что же?..

Надежда Ивановна. И он мне своих отрезал. *(Со вздохом.)* Они тут в письме. Я их возвращаю ему и прошу, чтобы и он мне мои прислал, если не любит меня.

Михайло Иваныч. Фу-ты, канальство, какие конфетности! Волосы друг другу дарили. Ах вы, чувствительные души, разиньте рот, развесьте уши!

Надежда Ивановна. Не смейся, Мишель, это ужасно! Поди поговори с ним, как я тебя просила. *(Хочет уйти, но на полдороге останавливается.)* Брат, ты не убьешь его? Не заставь меня, мой друг, раскаиваться в моей откровенности!

Михайло Иваныч *(рисуюсь)*. А разве тебе жалко будет, как я убью его – а?

Надежда Ивановна. Да, мой друг, я до сих пор еще люблю его!

Михайло Иваныч. Хорошо... там видно будет.

Надежда Ивановна. Прощай, мой друг! Не прокли-

най его и прости меня! (*Уходит.*).

Явление II

Михайло Иваныч (*один*). Ну, Михайло Иванов, опять, брат, тебе работа! Только смотри не срежься, не сконфузь себя. Припомни-ко, какова была с кирасиром за жидовку перепалка – скверная ведь, брат, штука вышла. Здоров уж очень был, облом этакой! С первого раза уж очень костоломную сдачу дал, ну – и сробел, а этот ничего – михрютка – справимся!.. С другой стороны, смешон и ты, Михайло Иванов; все бы тебе, забубённая голова, ссора да драка с кем-нибудь; но в этом деле и нельзя; главное, сестре себя надобно показать, а то, пожалуй, она уваженье всякое потеряет да и держать еще после того не станет.

Явление III

Тот же и Ваничка.

Ваничка (*входя*). Надежда Ивановна где-с?

Михайло Иваныч (*обертываясь*). Что-с?

Ваничка. Надежда Ивановна где-с?

Михайло Иваныч. А зачем она вам?

Ваничка. Маменька велела сказать, что она ужо, вечером, придет к ним чай пить.

Михайло Иваныч. А кто ваша маменька?

Ваничка. Настасья Кириловна!

Михайло Иваныч. Хорошо, скажу...

Ваничка. Надежда Ивановна где-с теперь?

Михайло Иваныч. Она там, у себя... Разве вам нужно ее видеть?

Ваничка. Да-с, нужно.

Михайло Иваныч. Посидите тут... она придет.

Ваничка садится. Михайло Иваныч осматривает его с головы до самых ног.

Вы служите, что ли, где-нибудь?

Ваничка. Нет еще. Маменька сначала хотела отпустить меня в военную, а теперь в штатскую отдает.

Михайло Иваныч. В штатскую? А что, вы боитесь вашей маменьки? Сечет она вас?

Ваничка (*улыбаясь*). Нет-с... как возможно-с! Я не дамся, да меня никто и не повалит: у нас папенька только строг, а маменька ничего, добрая-с.

Михайло Иваныч (*показывая головой на ноги Ваничке*). Что это какие узенькие на вас брюки, точно ду-дочки? Кто это вам шил?

Ваничка. Дяденьки Никандра Семеныча портной – он хороший: в Петербурге учился!

Михайло Иваныч. Скверно же в Петербурге учат... Который вам год?

Ваничка. Двадцать второй.

Михайло Иваныч. Только еще... А давно вы брее-тесь?

Ваничка. Уж два года-с. Усы так у меня еще на пят-надцатом году выросли; я их все палил да перочин-ным ножичком подбривал... Какие вы славные кольца пускаете.

Михайло Иваныч. А что?

Ваничка. Да так-с: хорошо. Я никак не могу вы-учиться... Вы умеете папиросы руками делать?

Михайло Иваныч. Нет, я не курю папирос – бабье кушанье! Я к трубке привык.

Ваничка. Ава охотой вы ходите?

Михайло Иваныч. Прежде ходил... А вы разве

охотник?

Ваничка. Я нынче все лето ходил-с; мне дяденька Никандра Семеныч щенка легавого подарил трех месяцев; я его хочу сам учить, чтобы стойку знал; а то вон у нас дворовая Лапка только за белками ходит, а стойки ничего не знает – все спугивает-с!

Михайло Иваныч. Вы хорошо стреляете?

Ваничка. Не знаю; кажется, хорошо-с! Этта вот зайца так важно поддел; гоны четверы был от меня, так и срезал: все четыре лапки отшиб! Дичи нынче около нас очень мало стало-с! Полушубинские ребята всю перевели: им барин каждый месяц по фунту пороху выдает, чтобы только стреляли, даже в наше болото заходят: всех уток, подлецы, расшугали, – теперь ни одной нет!

Михайло Иваныч. Ну, а этак за женщинами вы тоже охотитесь – а?

Ваничка. Нет-с. За ними зачем охотиться?

Михайло Иваныч. А что же?

Ваничка (*улыбаясь*). Да так-с: они не утки!

Михайло Иваныч. Экая важность, что не утки. Но, может быть, они сами за вами охотятся?

Ваничка. Да-с, может быть, всяко случается... Сами-то вы охотитесь ли?

Михайло Иваныч. За женщинами? Грешный человек... любитель и мастер этого дела; только бы заме-

тил где-нибудь, уж не уйдет.

Ваничка (*смеясь*). Я тоже-с!..

Михайло Иванович. То есть, как этак: ловки тоже?

Ваничка (*совсем уж смеясь*). Да-с!.. Только у нас папенька очень этого не любит: что немного где заметит, тут же и приколотит!

Явление IV

Те же и Надежда Ивановна.

Надежда Ивановна (*входя*). Ах, Ваничка, давно ли ты здесь?

Ваничка (*встает, кланяется и, сконфузясь, говорит*). Маменька приказала вам кланяться и велела сказать, что вечером придет чай пить.

Надежда Ивановна. Я буду дома... (*Обращаясь к брату.*) Ты скоро пойдешь, Мишель?

Михайло Иваныч. Сию минуточку-с! (*Протягивая ей руку.*) Оставляю тебя в приятном, но опасном обществе! Этот молодой человек сам мне признался, что он величайший стрелок на женщин, и потому я как брат советую тебе опасаться...

Ваничка (*сконфузясь*). Нет-с... А вы разве братец их?

Михайло Иваныч. Есть немного... с левого бока... Да хранит вас аллах! (*Уходит.*)

Явление V

Ваничка и Надежда Ивановна.

Несколько минут молчания, в продолжение которого Надежда Ивановна сидит задумавшись; а Ваничке очень хочется с ней заговорить, но он не находится.

Надежда Ивановна. Давно ты здесь, Ваничка?

Ваничка. Сегодня утром приехали-с!.. Я все просил маменьку, чтобы она сюда ехала.

Надежда Ивановна (*смотря на Ваничку с некоторым лукавством*). Зачем же тебе хотелось сюда?

Ваничка. Мне к вам хотелось.

Надежда Ивановна. Зачем ко мне?

Ваничка (*конфузясь*). Так-с, хотелось...

Надежда Ивановна. А остановились вы где?

Ваничка. У дедушки, у Николая Михайлыча.

Надежда Ивановна (*стремительно*). У Николая Михайлыча, у Дурнопечина?

Ваничка. Да-с!

Надежда Ивановна. Ах, я непременно в таком случае буду у Настасьи Кириловны! Скажите, что он постарел, обрюзг, поседел?

Ваничка. Нет, какое-с! Он все так прокуратит. Как приехали мы в первый-то день-с, так притворился, что

умирает... Меня маменька даже за попом было послала, я прихожу назад, а бабушка сидит да ест; целую почестъ индейку оплел... Я было, Надежда Ивановна, вам уток настрелял, да проклятые собаки и сожрали их. У нас ведь их никогда не кормят, все, чтоб сами промышляли, – вот они этак и промышляют.

Надежда Ивановна. Мерси, мой друг; но только я уток не ем: они мне как-то противны.

Ваничка. Нет, ничего-с! Эти были хорошие-с. Они противны, как травы хватят, а эти еще не хватили... Я вот вам скоро селезня подарю-с: маленького еще поймал, – все овсом теперь кормят.

Надежда Ивановна. Ну, хорошо, подари.

Ваничка. А вы сами что мне подарите?

Надежда Ивановна. Я тебе кисет вышью шерстями.

Ваничка. Нет-с, я не хочу кисета.

Надежда Ивановна. Отчего же?

Ваничка. Да так-с. Зачем мне кисет-то? Что он мне такое? Я и без него могу жить. Мне бы лучше, как летом тогда, ручку вашу давали, так это лучше-с.

Надежда Ивановна. Разве ты любишь мою ручку?

Ваничка. Очень люблю-с!

Надежда Ивановна. Ну, на тебе ее! Садись около меня!.. *(Подает ему руку.)* Ну, что ты теперь станешь с нею делать?

Ваничка. Что делать-то? Известно что! (*Целует руку.*)

Надежда Ивановна. Послушай, Ваничка, ты любил кого-нибудь, кроме меня?

Ваничка. Нет-с. Право нет – вы первые-с.

Надежда Ивановна. А что же ты Мишелю говорил?

Ваничка. Да я смеялся так... Они спрашивают меня: хожу ли я за охотой – за женщинами. Я и сказал-с...

Надежда Ивановна. Что ж ты сказал?

Ваничка. Я говорю, что женщины не утки, и больше ничего, право ничего... так только... посмеялись.

Надежда Ивановна. А про меня что-нибудь ты не сказал ли ему?

Ваничка. Ай нет, как возможно-с. Я про вас никому в свете не скажу-с. Мы говорили так... о других.

Надежда Ивановна. А разве ты любил других?

Ваничка. Да что?., как же? я не знаю-с.

Надежда Ивановна. Как же не знаешь? Стало быть, ты меня обманываешь и был влюблен в другую?

Ваничка. Ни в кого-с... умереть на этом месте, ни в кого-с. Мы так только... смеялись.

Надежда Ивановна. Над чем же вы смеялись? Ты, верно, что-нибудь ему рассказывал?

Ваничка. Я ничего не рассказывал, право-с! Они

сами все выдумывали.

Надежда Ивановна. И пожалуйста, никому ничего не говори, тем больше, что мы с тобой скоро должны будем совершенно расстаться.

Ваничка. Зачем? нет-с... я на службу определюсь... Вы прежде, Надежда Ивановна, добрев были-с... Помните, в саду... а теперь вот не хотите!

Надежда Ивановна. Что это? Поцеловать тебя? Не могу... ни за что в свете не могу!.. Я теперь совсем в другом положении. Я со стыда сгорю, если позволю себе поцеловать тебя.

Ваничка. Да что же тут со стыда-то сгореть?.. Экая важность!

Надежда Ивановна. Клянусь тебе честью, не могу... Ну, изволь: я в последний раз поцелую тебя, но только раз – не больше. *(Целует его, но Ваничка при этом проворно обнимает ее и начинает целовать другой раз, третий...)*

Надежда Ивановна *(отталкивая его)*. Перестань!.. Сумасшедший!.. Довольно!.. Ты волосы мне все растрепал. *(Вырывается и бежит от него к себе в комнату.)*

Ваничка *(преследуя ее)*. Врешь, не уйдешь теперь у меня. Надежда Ивановна захлопывает за собой дверь и запирает ее.

(В азарте.) Пустите! Право, ведь сломаю! *(Начина-*

ет ломиться в дверь сначала руками, ногами, а потом и всем телом.)

Занавес падает.

Действие третье

Кабинет Дурнопечина.

Явление I

Дурнопечин сидит на своем кресле с головою, повязанною белым платком, намоченным в уксусе. Настасья Кириловна помещается в некотором отдалении от Дурнопечина и с подобострастием на него смотрит. Никита флегматически и со скучающим лицом стоит сзади барина.

Настасья Кириловна (*обращаясь к Дурнопечину*). Что, батюшко, получше ли вам хоть немножечко?

Дурнопечин. Теперь гораздо лучше. (*Снимает с головы платок и отдает его Никите.*)

Никита (*насмешливо*). После чего лучше-то быть, когда никакого и худа-то не было.

Дурнопечин. Ты-то пуще знаешь и понимаешь это.

Никита. Чего тут знать-то?.. Доктор-то при мне ажио в сердцах сказал вам: «вы, говорит, только себя и других понапрасну беспокоите!»

Настасья Кириловна. Ну да, ведь, Никитушка, доктора тоже и так говорят для утешенья только... (*Обращаясь к Дурнопечину.*) Я вот вам, дяденька, хочу рассказать, что со мною, глупою старухой, ваши питерские франты сделали: жила я в Питере тогда месяца два; деньги мои и сначала маленькие были, а тут

так подошли, что и на дорогу почесть ничего... Иду я раз по самой тамошней большой улице, Невской, вдруг нагоняет меня молодой человек, нарядный такой, и начал меня с ног до головы осматривать. Я подумала, да и говорю: «Милостивый, говорю, государь, лицо ваше такое доброе – я бедная, заезжая, говорю, здесь помещица: не можете ли, говорю, какую-нибудь помощь оказать матери семейства?» – «Хорошо, говорит, но только теперь не могу, а не угодно ли, говорит, вам уже вечером прийти в такой-то дом; в крыльцо, говорит, вы не входите, а позвоните только с улицы». Пошла я вечером, отыскала дом, позвонила, вдруг после того окно наверху отворилось: «Это вы?» – говорит. Я говорю: «Я!» Только я проговорила это слово, вдруг, отец мой, меня с ног до головы и окатили какой-то дрянью, – кажется, помоями! Господи боже мой! И на ногах-то устоять не имела силы, чуть не захлебнулась.

Дурнопечин (*рассмеясь*). Что это, Настасья Кириловна, какие ты глупости рассказываешь – рассмешила ты меня, проказница этакая.

Настасья Кириловна. Что делать-то, дядюшка, как хотите, так и судите... Я, впрочем, рада, что вы хоть немного поразвеселились.

Дурнопечин (*смеясь*). Помоями облили... Славную штуку сыграли.

Никита (*тоже смеясь*). Что же, вы тут дождались, чтобы вас в другой раз окатили?

Настасья Кириловна. Ну где же уж, Никитушка, дожидаться... только что привстал, да давай бог ноги... Пожалуй, еще убьют, разбойники этакие.

Никита. Убить-то не убили, а другой-то бы раз на верняка обдали.

Настасья Кириловна. Дяденька, вы позволите мне у вас ночки две ночевать. Делишки у меня здесь есть, а квартиры дорогие, беспокойные.

Дурнопечин. Хорошо, ночуй!

Настасья Кириловна (*вставая и целуя Дурнопечина в плечо*). Видит бог, дядюшка, как я вас всегда в душе любила; только вы, может быть, по бедности моей заключаете что-нибудь другое, а я предана вам просто от сердца.

Дурнопечин. Ну, полно нежности выкидывать; лучше расскажи еще что-нибудь про себя.

Настасья Кириловна. Сейчас, отец мой, сию секунду: мало ли со мной, дурой, приключеньев было. Была я еще молода, ж приехали мы с моим благоверным в губернский город; щеки у меня тогда были розовые, малиновые... Сама я была развеселая, вот и повадился к нам один офицер ходить... он у Алексея Яковлевича еще юнкером в роте служил... и ходит он к нам почти каждый день, и все со мною заговарива-

ет...

Явление II

Те же и Прохор Прохорыч.

Прохор Прохорыч. Здесь господин Дурнопечин живет?

Никита. Здесь. Вы кто такие?

Прохор Прохорыч. Это уж, любезный, не твое дело... Могу я их видеть?

Никита. Пожалуйста-с! Они сами вон изволят здесь сидеть-с. *(Показывает на Дурнопечина.)*

Прохор Прохорыч. А! *(Подходит к хозяину.)*

Тот привстает. Никита между тем уходит.

Я, кажется, имею честь видеть Николая Михайлыча Дурнопечина?

Дурнопечин. Точно так!

Прохор Прохорыч. Я сам тоже Дурнопечин: Прохор Прохорыч Дурнопечин, и прихожусь вам брат в четвертом колене... Настасья Кириловна, мое вам почтение! Вы ведь тоже наша общая родственница; я это знаю очень хорошо... Давно, братец, изволили пожаловать в наши места?

Дурнопечин. Да я уж и не упомяну; кажется, с ме-

сяц... Садитесь!

Прохор Прохорыч. Всепокорнейше благодарю за ваше родственное внимание и воспользуюсь приглашением, потому что я сегодняшнее утро верст пять прошел пешком. Сам за припасами на базар всегда хожу; с малолетства эту привычку имею. Прислуга у меня маленькая, да и не верна: никогда по вкусу не купит... *(Садится.)* Так вы изволите говорить, что уже с месяц, как прибыли в наш город?

Дурнопечин. Кажется...

Прохор Прохорыч *(с ядовитой улыбкою)*. Настасья Кириловна раньше всех успела засвидетельствовать вам свое почтение. *(К Настасье Кириловне.)* Я всегда полагал, что вы дама очень тонкая.

Настасья Кириловна. Где уж нам, Прохор Прохорыч!.. Мы люди бедные – это впору только вам, богачам.

Прохор Прохорыч. Кто богат и кто беден – это знает один только бог!.. На это не хватит даже и вашей тонкости... Не обеспокоил ли я вас, братец, своим посещением?.. Я слышал, вы не так здоровы?

Дурнопечин. Да, я всю хвораю.

Прохор Прохорыч. Из лица, впрочем, вы довольно свежи. Не от бездействия ли это происходит? Вы, кажется, изволили весьма мало на службе состоять?

Дурнопечин. Года три в военной службе служил.

Настасья Кириловна. Что дяденьке-то на службе состоять: у них и без того есть состояние.

Прохор Прохорыч. Состояние и служба – две вещи разные, – это уж дело не вашей тонкости, Настасья Кириловна! *(Обращаясь к Дурнопечину.)* Я сам, к несчастью, потерял службу, которой, можно сказать, душой и телом посвящал все время.

Дурнопечин. Вы не служите?

Прохор Прохорыч. Никак нет-с, не служу. Семь лет, братец, был секретарем уездного суда; потом три года состоял в должности станового пристава; но вот уж другой год, по ревизии начальника губернии, удален с преданием суду.

Дурнопечин. За что же?

Прохор Прохорыч. По одним наездам, или, откровенно сказать, и сам не знаю за что. Об усердии моем можете спросить всякого мальчишку, так и тот скажет вам. Погибели моей захотелось злым людям; но, по милости творца, живу еще; не потерялся совершенно. Теперь я занимаюсь частными делами и, благодарение богу, имею кусок черного хлеба.

Настасья Кириловна. Найдется, Прохор Прохорыч, я думаю, у вас и белый.

Прохор Прохорыч. Белый хлеб предоставляю вам, Настасья Кириловна, есть по гостям, а я ем свой, черный. Я имею к вам, братец, маленькое дельцо и

желал бы с вами поговорить наедине.

Дурнопечин *(с неудовольствием)*. Что такое вам надобно от меня?

Прохор Прохорыч. Дело, братец, безотлагательное дело и имею вам сообщить; позвольте мне иметь секретную аудиенцию.

Дурнопечин. Выйди, Настасья Кириловна.

Настасья Кириловна *(вставая и с сердцем подбирая вязанье)*. Знаем мы, Прохор Прохорыч, ваши секреты; немало вы, я думаю, простых-то людей обманули: у одной Поддевкиной сотнями тысяч воспользовались.

Прохор Прохорыч. Вам все хочется сосчитать мои деньги. Не сочтете, ошибетесь; лучше рассмотрите шкатулку вашего супруга, а до моих денег вам далеко.

Настасья Кириловна *(уходя)*. Убереги бог; нищему руку прожжет ваша копейка, Прохор Прохорыч.

Явление III

Дурнопечин и Прохор Прохорыч.

Прохор Прохорыч. Не любит меня наша общая родственница... Что делать? Не говори правды, не теряй дружбы. Совершенно потерянная женщина. Я, конечно, никак не смею вам советовать, а напрасно вы изволите ее принимать: от нее каждую минуту надо ожидать какой-нибудь неприятности.

Дурнопечин (*перебивая*). Какое еы дело имеее до меня?

Прохор Прохорыч. Исковое, братец!.. Исковое дело должно, по несчастью, между нами затеяться.

Дурнопечин (*изменившись несколько в лице*). Это с какой еще стати?

Прохор Прохорыч. По наследственному имению нашей бабки, Ольги Дурнопечиной, которое совершенно незаконно поступило большею частию во владение вашего покойного батюшки, а моего дяди.

Дурнопечин. Господи боже мой, это еще с чего пришло вам в голову? Владели, владели, а тут вдруг и незаконно стало.

Прохор Прохорыч. Десятилетней давности, братец, еще не прошло! Духовная совершенно незакон-

нее: покойная бабка никак не имела права дробить достояния; но оно, как, может быть, вам небезызвестно, разделено, – большая часть... уж я не говорю, какие для этого были употреблены меры... самые неродственные меры... но только большая часть – поступила во владение вашего родителя, а другая часть – общей нашей тетке Соломониде Платоновне, дай ей бог доброго здоровья, или, лучше сказать, вечную память, по милости которой теперь вся и каша заваривается. Духовное завещание должно быть нарушено, да еще последует взыск за неправильное владение.

Дурнопечин. Я решительно не понимаю, что такое вы говорите.

Прохор Прохорыч. Гражданскими делами, вероятно, мало занимались? Но я говорю сущую справедливость. Я пользовался еще расположением покойного вашего родителя! Прекраснейший был человек, как теперь на него гляжу: собой этакой полный, глаза навывкате, весельчак был такой, что и свет другого не производил; я ему часто говорил: – Неправильно, говорю, дядюшка, Рамешками владеете, поделитесь. – «А вот погоди, говорит, как умру, так тебе поросатую свинью оставлю...» – да сам и захохочет, покойный свет!

Дурнопечин (*хмурясь*). Почему же он Рамешками

несправедливо владел?

Прохор Прохорыч. По незаконности духовной-с! Двадцать седьмой год, Николай Михайлыч, купаюсь в чернилах; слава богу, пора привыкнуть к делопроизводству... незаконность дела по запаху слышу.

Дурнопечин. Что ж вы от меня хотите?

Прохор Прохорыч. Красницу, братец, хочется получить. Желание наше небольшое, поверьте! Другие бы на это не согласились. Ну, впрочем, бог с вами: пусть я лучше обижу своих сирот, по крайней мере буду помнить, что мы родные и что нам заводить дела грешно!

Дурнопечин (*растерявшись*). За что же я отдам вам Красницу, скажите бога ради, что вы меня – за дурака, что ли, считаете?

Прохор Прохорыч (*усмехнувшись*). Дураков, братец, нынче совсем и на свете нет; может быть, бывало в старину; но я вам докладываю, что по иску вы отдадите гораздо больше, потому что заплатите за неправильное владение, и, кроме того, я заставлю вас заплатить протори и убытки.

Дурнопечин (*вставая*). Сделайте милость, избавьте меня от ваших дел! Я человек больной... нуждаюсь в спокойствии... и теперь решительно ничего не знаю.

Прохор Прохорыч. Как угодно вам, братец. Конеч-

но, по родству, я хотел дать вам полезный совет; но что ж делать: вольному воля, спасенному рай. Духовная незаконна-с, во-первых, потому, что родовое имение не дробится, во-вторых, – десятилетней давности еще не прошло, и, в-третьих, – имение семь лет состояло в единственном вашем владении; следовательно: завещание нарушится, принадлежащая нам часть должна быть выделена, за неправильное владение последует взыск, да сверх того вы обяжетесь пополнить протори и убытки. Братец, мне вас жаль: вы лишитесь всего состояния.

Дурнопечин (*нервно*). Ну что ж делать – и ли-шусь...

Явление IV

Те же и Ваничка.

Ваничка (*быстро входя*). Дедушка, маменьки нет здесь?

Дурнопечин. Сам ты, я думаю, видишь.

Прохор Прохорыч (*сердито про себя*). Пащенко этот еще приплелся тут! (*Дурнопечину*.) Позвольте по крайности мне ужо вечером прийти к вам рассмотреть ваши документы и по документам вам объяснить.

Дурнопечин. Никаких у меня нет для вас документов и никаких я с вами объяснений иметь не желаю.

Прохор Прохорыч. Как вам угодно-с!.. (*Идет к дверям, но снова, однако, приостанавливается и обращается к Дурнопечину*.) Еще два слова, Николай Михайлыч: угодно вам дать нам отступного пятнадцать тысяч – бог с вами, хоть мы и обижены будем, зато дела между нами не затеется.

Дурнопечин не отвечает ему.

До приятного свиданья-с! (*Уходит*.)

Явление V

Дурнопечин и Ваничка.

Дурнопечин (*как бы больше сам с собой*). Каков каналья!.. Говорит, что будто мы с теткой Соломоной Платоновной разными плутнями имение у него отбили... Надобно ей сейчас же написать об этом... Ты не уходи, Ваничка, – ты мне нужен будешь!

Ваничка (*с удовольствием*). Слушаю, дедушка!

Дурнопечин (*садясь и начиная писать*). У тетки, вероятно, и документы все есть... Она заступится за меня; не даст меня в обиду. (*Ваничке.*) Ты сумеешь письмо страховое на почте отправить?

Ваничка. Что за мудрость такая? Сумею-с!

Дурнопечин. Ну, так вот, отправь это письмо, и на тебе на то пять рублей... Отправишь, а сдачу возьми себе.

Ваничка (*целуя Дурнопечина в плечо*). Благодарю покорно, дедушка! Я бы еще к вам просьбицу имею: мне теперь тоже, что дома-то жить и на собаках шерсть бить – я уж лучше жениться хочу.

Дурнопечин (*усмехаясь*). Час от часу пе легче: женись, когда охота есть.

Ваничка. Тут только, дедушка, такая штука выхо-

дит, что ведь у маменьки, у нас ничего нет, все папеньки-с; а он такой жила на деньги, что не приведи господи! Соберет оброки с мужиков, принесет маменьке: «На, говорит, понюхай, чем пахнет!» – да сам и запрет их в шкатулку. Дайте мне, дедушка, займы рублей двести на свадьбу. Я вам отдам их... У невесты именье есть большое. Я сейчас же с нее их выверну.

Дурнопечин. Ты прежде мое-то дело сделай: снеси письмо-то, а потом об себе уж и рассказывай.

Ваничка. Хорошо-с!.. Я как раз это сварганю! *(Поспешно уходит.)*

Явление VI

Дурнопечин (*один*). Как бы тот сутяга не узнал, что у меня деньги есть. Хорошо, что сберег да скопил пятьдесят тысяч; по крайней мере две тысячи процентов буду получать. Куда бы их спрятать подальше? В шкатулку – все знают; разве в карман в халат этот зашить, да и снимать уж его не стану, так в нем и спать буду; как бы вынуть их поосторожнее, а то подсмострит еще кто-нибудь... (*Встает, приставляет к дверям стул, осторожно отпирает шкатулку, вынимает деньги и кладет их в карман.*) Теперь покуда так полежат, а там потихоньку сыщу где-нибудь иголочку с ниткой да и зашью. Иголки-то даже спросить боюсь, – догадаются...

Явление VII

Дверь с шумом растворяется; стул летит; Дурнопечин вздрагивает, проворно запирает шкатулку и запахивает халат. Является Михайло Иваныч.

Михайло Иваныч. Фу ты, канальство, какая баррикада построена. *(Подходя.)* Честь имею явиться.

Дурнопечин *(смешавшись)*. Ах, Михайло Иваныч, извините вы меня, дурак мой лакей дверь заставил.

Михайло Иваныч. Ничего-с!.. мы ее сломали! Такая уж у Михаила Иваныча рука: на что ляжет, то и ломит – железо не всякое терпит... *(Садясь.)* Чем вы занимаетесь?.. Вероятно, цидулки к дамам писали: этим, знаете, обыкновенно молодые люди занимаются в уединении.

Дурнопечин. Нет, какие цидулки... *(Вздыхнув.)* С делами все возился.

Михайло Иваныч *(недоверчиво)*. Конечно-с, так вот мы и поверим сейчас! Вы, батенька, как я слышал, ох, какой тонкий человек, как говорится: лисий хвост да волчий рот... Сестра моя поручила мне засвидетельствовать вам свое почтение и вместе с тем она очень огорчается, что вы так недобры – совершенно нас забыли.

Дурнопечин. Очень благодарен Надежде Ивановне; но, право, я болен: дела... нездоровье... ей-богу, не знаю, как я еще жив.

Михайло Иваныч. Да что ж такое нездоровье? Это совершенно пустое: здоровье и нездоровье от нас зависит. На меня, скажу вам, в полку напала крымская лихорадка; в один день свернуло как Сидорову козу; но, к ее несчастью, Михаила Иванова никто еще не сламливал: «Шалишь, говорю я ей, сударушка, не на того напала!» Она меня, знаете, гнет, а я купаться, потом к товарищам, пью пунш, водку, в картишки, конечно, схватимся, да и валяй так целый день, – отстала-с!

Дурнопечин. По комплекции, может быть, вы здоровы; организм, вероятно, имеет сильный.

Михайло Иваныч. Не могу пожаловаться – здоров-с! Но главное, характер имею кремневый. Подлости решительно не могу терпеть... В жизнь мою двух жидов, одну гречанку-торговку и трех помещиков так за подлость отделал, что и дни покончили. Не могу видеть подлости, так все и повернется в душе: точно сумасшедший. На десятке дуэлей, которые имел в полку, я из троих моих противников сделал решето: по мертвым стрелял несколько раз... Что это вы таким нахмуренным сидите, как будто бы сердиты на что или чем-нибудь недовольны?

Дурнопечин. Я всегда такой.

Михаил о Иваныч (*усмехаясь*). Будто?.. А мне говорили, что вы большой волокита... Этак с бацу бьете... Одна девушка мне сказала... извините меня, что я говорю прямо... что вы, не помню, когда это было, славно к ней подъехали.

Дурнопечин. Мало ли что было, Михайло Иваныч; время мое прошло: теперь я совершенно больной и расстроенный человек.

Михайло Иваныч. Д-д-да!.. Ну, конечно, вам как мужчине, может быть, прошло; нам даже похвастаться этим можно, потому что на нас сукно; с нас все, как с гуся вода. Но девушка... вы, конечно, понимаете сами, не могла этого забыть: на ее совести осталось пятно!

Дурнопечин потупляется.

Вы, вероятно, догадываетесь, о ком я говорю, и надеюсь, что мы останемся друзьями. Как благородный человек, вы сами понимаете, что дворянка... девица, у которой есть брат... зачем же забывать совершенно? Сестра мне чистосердечно во всем раскаялась... Я ее не мог укорять, потому что все женщины имеют слабости.

Дурнопечин (*смешавшись*). Мне, право, очень сожалею, Михайло Иваныч, перед вами и вашей сест-

рицей... Я их очень люблю и уважаю, но что могу сделать? Каждый день у меня или болезнь, или неприятности. Вон лакей мой, и тот, глядя на меня, замучился. Войдите вы в мое положение: я совершенно потерянный человек.

Михайло Иваныч. Благодарю за откровенность; но сестра сама желает разделить с вами время жизни.

Дурнопечин. Невозможно, Михайло Иваныч, для меня это счастье, совершенно невозможно, истинно вам говорю: я очень беден, совсем нищий сделался; у меня теперь никакого нет и состояния.

Михайло Иваныч. Вот тебе раз! Да куда же оно у вас девалось?.. В омут, что ли, провалилось?

Дурнопечин. Нет-с; по процессу отходит, – я тяжбу проиграл.

Михайло Иваныч (*посмотрев несколько минут на Дурнопечина*). Вы в штатской служили?

Дурнопечин. Нет-с. А что же?

Михайло Иваныч. Ничего-с! А у вас, как я вижу, штатские этак наклонности: крючки вилять вы мастер... Вам бы в актеры идти, вы славно бы разыгрывали роли.

Дурнопечин (*усмехнувшись*). Почему же бы я роли разыгрывал?

Михайло Иваныч. Так-с, ничего; понимаем тоже немного; сами на этих делах зубы приели; но оно, ска-

жу вам, не всегда удается, – на кого наскочишь; другой, пожалуй, и сам разыграет роль, да такую, что и затылок затрещит.

Дурнопечин. Что ж мне делать, Михайло Иваныч, сами вы рассудите?

Михайло Иваныч. Ну, уж это, сделайте милость, извините меня, учить мне вас не приходится, потому что я учитель медвежий. Во всяком случае, позвольте вам вручить письмо от сестры, которая совершенно в отчаянии...

(Подает Дурнопечину письмо, которое тот торопливо разворачивает и читает.)

Дурнопечин *(разводя руками)*. Зачем же Надежда Ивановна так огорчается? Время еще не ушло; может быть, я поправлюсь в здоровье и в делах своих.

Михайло Иваныч. Да-с, если вы говорите насчет времени, так время, конечно, ничего: месяц, два что такое! – подождать можно; но вы возьмите и мое положение: приехал через пять лет воспользоваться деревенскими удовольствиями и вдруг вижу, что сестра умирает... Отчего же умирает?.. От неблагодарности. Это, как хотите, могло взорвать всякого благородного человека, и особенно с моим огненным характером. Я должен прямо сказать: я шел к вам на смерть.

Дурнопечин. Что же это такое? Помилуйте, из-за чего же это?

Михайло Иваныч. Вполне согласен и очень рад, если вы откроете мне вашу душу; я сам человек благородный и умею понимать благородство других. Если вам угодно свадьбу отложить на месяц или на два, – это весьма извинительно.

Дурнопечин. Да уж сделайте милость, нельзя ли повременить?

Михайло Иваныч. Извольте-с. Между знакомыми людьми делаются и не такого рода одолжения; но, во всяком случае, позвольте мне поцеловать вас как будущего родственника.

Дурнопечин (*привстав*). О... благодарю вас покорно...

Целуются.

Михайло Иваныч. Вы, должно быть, очень трусливого и скромного характера?

Дурнопечин. Да-с, что уж у меня взять...

Михайло Иваныч. Вот как иногда, внаете, судьба человеческая играет! Ну, за что бы вы были моей жертвой? Что вы такое для меня? Муха!.. А я бы должен был вас уничтожить, как какого-нибудь таракана бездушного! Ну как, например, рукой прикажете убить? От щелчка не пикнете. Стреляться угодно?.. Давайте: в бубнового туза на сто сажень попадаю. На

саблях хотите?.. Как бы вы там себе ни лавировали, принесу мою шашку, перехвачу вашу саблю пополам и разможжу вам голову!

Дурнопечин. Стало быть, кроме здоровья, вы и сильны очень?

Михайло Иваныч. Есть немножко... *(Протягивает перед Дурнопечиным руку.)* Видали ли вы такие мускулы? Дайте-ка я пожму вашу руку.

Дурнопечин *(убирая руку)*. Нет, зачем же.

Михайло Иваныч. И не советую... Я лучше уже попробую над чем-нибудь другим. *(Берет палку.)* Позвольте?

Дурнопечин. Что такое?

Михайло Иваныч. Потешиться немного!.. *(Переламывает палку.)* Хрупка, канальство!.. *(Переламывает еще.)* Фу, какая гниль!.. *(Переламывает еще.)* И тут, голубушка, не стерпела!.. Плохо бы было, если бы на ее месте были кости человеческие!

Дурнопечин *(наильно улыбаясь)*. Богатырь!.. Богатырь... Надолго, однако, вы изволили сюда приехать?

Михайло Иваныч. Этого я и сам еще не знаю-с. Утомился на бивацкой жизни. Вы, может быть, не поверите; но к погоде даже иногда кости ноют; хочется немного отдохнуть и побыть с сестрою... *(Вставая.)* Честь имею кланяться.

Дурнопечин (*тоже вставая*). Засвидетельствуйте мое глубочайшее почтение Надежде Ивановне и попросите ее не огорчаться: бог даст, все поправится.

Михайло Иваныч. Не беспокойтесь, теперь ничего уж не может быть; я беру все на себя! Она, между нами сказать, немного сентиментальна: стихов начиталась, комплекции тоже слабой; но я не балую ее – выправку делаю порядочную; распеканье каждое утро идет. Надеюсь, что мы будем видаться.

Дурнопечин. Я непременно буду... И вы меня не вабывайте: я иногда расхвораюсь, так и нехотя дома сижу.

Михайло Иваныч (*ударяя себя по лбу и как бы вспомнив что-то*). Да!.. У вас в доме никого такой нет?

Дурнопечин. Него-с?

Михайло Иваныч. Ну, то есть... понимаете...

Дурнопечин. Ай, нет, полноте, где?.. До того ли?..

Михайло Иваныч. То-то! Я вас хотел предупредить. Если есть, так надо пораньше выпроводить. Это я знаю по себе. На меня в Царстве Польском навязалась одна такая штука, так всю дорогу гналась за мной. На пяти станциях все колотил ее медным горячим чайником! Этак, знаете, бьешь и кипятком поливаешь, только этим и отбился. (*Уходит.*)

Явление VIII

Дурнопечин (*один*). Убить, говорит, я вас приходил, – экую шуточку сказал: убить приходил. Если уж очень будут напирать, так придется, как ни противна мне эта госпожа, жениться на ней, потому что все-таки это лучше смерти. Отлично, бесподобно устроил дела своп: полименья лишаяюсь, да еще в брак вступаю черт знает с кем.,

Явление IX

Вбегают Ваничка и Настасья Кириловна.

Настасья Кириловна. Батюшко, пожар у вас!

Дурнопечин (*отступая даже шаг назад*). Как пожар?

Ваничка. Пожарная команда уж на нас наскочила, – чуть не задавили!

Дурнопечин (*почти с плачем в голосе*). Что же это такое? Настасья Кириловна, собирай вещи-то со стола! Платье-то, черт с ним. Трубка-то... Настасья Кириловна, сними, матушка, со стены трубку-то, – полтора рубля заплачено! (*Ваничке.*) Ваничка, у меня там, братец, в гостиной часы стоят.

Ваничка. Сию секунду-с, бабушка... (*Убегает.*) Настасья Кириловна. Никиту-то, батюшко, надо бы было позвать... (*Подбегает к дверям и кричит.*) Никита Семеныч, а Никита Семеныч!

Дурнопечин между тем проворно и дрожащими руками вынимает из шкатулки разные бумаги и прячет их себе в карман.

Явление X

Никита (*проворно входя*). Здеся-тко я!.. Согрешили, грешные?

Настасья Кириловна. Что горит-то, батюшко? кое место?

Никита. Мезонин у нас.

Дурнопечин. Скажите, а я как нарочно весь дом привез.

Никита. Сложу все в чемоданы... (*Уходит.*)

Ваничка (*входя*). Там теперь важно, пускай горит: я все перешвырял.

Слышится наверху сильный шум и стук.

Дурнопечин. Это что еще такое?

Ваничка. Пожарные это, должно быть, налезли...

Дурнопечин. Пожалуй, и сам тут сгоришь... Я убегу лучше... Настасья Кириловна, дай мне шапку-то.

Настасья Кириловна (*подавая ему шапку*). Нате, батюшко.

Дурнопечин (*быстро уходя*). Соберите там, что можете.

Явление XI

Настасья Кириловна и Ваничка.

Ваничка. Дайте мне, маменька, подол, – я складу вам все.

Настасья Кириловна приподнимает несколько свое платье, и Ваничка складывает ей на него со стола вещи.

Подите, маменька, с другого-то стола соберите, а я мебель в окно перешвыряю.

Настасья Кириловна начинает собирать вещи с другого стола, а Ваничка швыряет мебель в окно.

Настасья Кириловна. Злодей, что это ты делаешь? Помилуй, все переломаешь!

Ваничка. Ничего, маменька, важно откалываю... *(Заглядывая в окно.)* Вон одному по ноге съездил, не вертись: больно горяч!

В это время в соседней комнате обрушивается потолок, и через двери видно, что летит накатник, пыль

и дым. Настасья Кириловна взвизгивает и приседает до земли, а Ваничка тоже вздрагивает и произносит: «О черт, дьявол, право!» В комнатах появляются пожарные.

Занавес падает.

Действие четвертое

Гостиная уже в другой квартире Дурнопечина.

Явление I

Соломонида Платоновна кричит на Никиту, который стоит перед нею в печальной и оробелой позе, а Дурнопечина цирюльник Сергей стрижет.

Соломонида Платоновна. Как ты смел держать барина в такой грязи?.. Да я с тобою жива не расстанусь, криворожий! Чтоб в кабинете у меня сейчас же было все прибрано, чтоб сегодня же крыльцо было, как стеклышко, негодяй этакой!.. Пошел! Даже устала, бранившись!.. *(Сергею.)* Стриги его Сережка, глаже стриги!

Дурнопечин *(усмехаясь)*. Тетушка! Как это, право, вы, беспокоитесь... Мне даже совестно. *(Смотрится в зеркало.)* Теперь действительно стало как-то легче.

Соломонида Платоновна. Еще бы! И выбрей его, Сережка, как можно чище: чтобы ничего под подбородком этой дряни не было.

Дурнопечин. Нет уж, тетушка, позвольте: я сам бреюсь, а другим боюсь даваться.

Соломонида Платоновна. Как тебе не бояться всего, батюшка, бойся... Брей его, нечего слушать!

Сергей начинает брить.

Дурнопечин. Сделай милость, Сережа, брат, поосторожнее. Нет, уж под горлом, пожалуйста, не брей; оставь, бога ради!

Сергей. Ничего, сударь, не в первый раз; слава богу, господ бривали.

Соломонида Платоновна. Ведь гадко видеть тебя, Николай Михайлыч, право! Ты и на мужчину совсем не похож, а точно мокрая курица.

Дурнопечин (*выбритый*). Ну, слава богу, благополучно. Поневоле, тетушка, будешь мокрой курицей, как все неприятность на неприятности.

Соломонида Платоновна (*с усмешкою*). Какие же, батюшка, с вами особые несчастья случались?

Дурнопечин. Да хоть бы болезнь, тетушка, постоянная, неизлечимая болезнь.

Соломонида Платоновна. Ах, какой бедный! Не умирать ли уж собираешься? Перестань, сударь! Отвратительно слушать: что такое у тебя болит?

Дурнопечин. Да что, тетушка, конечно, по пословице: сытый голодного не разумеет... а у меня все болит, но и, кроме того, вон процесс теперь затевается.

Соломонида Платоновна. Как же, страшный ведь процесс! Совсем разоришься! Ах ты, смешной, смешной человек! Никита! Эй, болван, Никитка!

Никита входит проворно.

Что ты, глух, что ли?

Никита. Я умывался.

Соломонида Платоновна. Скажите пожалуйста, двенадцатый час, а он умывается. Да что ты, барин, что ли, какой? Пошел сейчас, узнай, где живет Прохор Дурнопечин, и зови его сюда, а обо мне не говори!.. Слышишь?.. Пошел! Что еще почесываешься, невежа этакая!

Никита уходит.

Дурнопечин. Да, тетушка, как бы больше его не рассердить этим.

Соломонида Платоновна *(перебивая его)*. Сделай милость, молчи, если уж таким дрянным родился: без тебя дело сделается. Сережка!

Сергей входит.

Пошли сейчас кучера, чтобы привез мой погребчик и всю закуску... *(К Дурнопечину.)* У тебя, я думаю, и есть-то нечего.

Дурнопечин. Нет-с, тетушка, у меня должно быть приготовлено.

Соломонида Платоновна. Хорошо, я думаю, с твоим порядком приготовлено. Какую ты водку пьешь?

Дурнопечин. Ай, тетушка, какая водка; я ничего не пью: кофей даже запрещен.

Соломонида Платоновна (*передразнивая его*). Ничего не пью! Кофе даже ему запрещен! Для слабого человека пить необходимо: ты себя не узнаешь, как подкрепишься.

Явление II

Те же и Настасья Кириловна с Ваничкой.

Настасья Кириловна (*подходя к руке Соломонида Платоновны*). Вот, бабушка, и я пришла... Ваничка, представься бабушке.

Ваничка подходит к руке Соломонида Платоновны.

Соломонида Платоновна. Здравствуй. Видишь, как вытянуло. Поумнел ли хоть немного, а растешь, глядя на осину.

Ваничка. Я уж, бабенка, давно такой; не все маленьким быть.

Настасья Кириловна. Молодое, бабушка, растет... (*К Дурнопечину.*) Как здоровье-то ваше, дядюшка, теперь?

Дурнопечин. Ничего... здоров... садитесь.

Настасья Кириловна и Ваничка садятся.

Соломонида Платоновна (*относясь к Настасье Кириловне*). Ты это зачем сюда прибыла? Дома, видно, не сидится?

Настасья Кириловна. Ай нет, бабушка, как это возможно-с; дела здесь имею.

Соломонида Платоновна. Большие, я думаю, твои дела. Лучше бы хозяйством правила, бездомовщина этакая.

Настасья Кириловна. Я, бабушка, правлю, ей-богу, правлю. Да и кому у меня, – сами вы знаете: дети малые, – везде все сама.

Соломонида Платоновна. Полно, голубушка моя, казанской нищей прикидываться, знаю я тебя, пусто-головая! Всего четыре лошаденки в усадьбе, и тех измучила, таскаясь по гостям; красавица какая, везде ей нужно показывать себя.

Настасья Кириловна. Какая уж, бабушка, красота! Не красота, а бедность... Наговоров вам на меня много, мне вы не изволите верить, так и погибаю.

Соломонида Платоновна. Нет, милая моя, тебе этого еще мало, ей-богу, мало! Как бы воля была, так бы я тебя выпорола. Алексей Яковлевич со слезами приезжал ко мне. Вон пострелят-то своих, на что похоже, перебаловала: куда они теперь годны? Ты у меня молчи лучше – знаю я, соколена, все твои штуки!.. Где это видано, у мужа с людишками хлеб воровать да утаивать: голодна, что ли, ты?

Настасья Кириловна *(плача)*. Весь век от вас, бабушка, обижена была, видно, и перед дяденькой меня

хотите оконфузить! Не знаю, что вам сделала; у вас, кажется, ничего не прошу, своим живу.

Соломонида Платоновна. Ах, боже мой, как расчувствовалась, так вот мы все и расплачемся с тобой. Зачем сюда приехала, для какой надобности?

Ваничка. Да что, бабенька, вы все на маменьку нападаете! Она со мной приехала, да-с! – Мне нужно.

Соломонида Платоновна. Дурак этакой! Ему нужно! Драть бы тебя нужно!

Ваничка. Да что вы все ругаетесь! Мы вам не подчиненные! Что вы, в самом деле, куражитесь!

Соломонида Платоновна *(вспыхнув)*. Ах ты, паценок этакой, а! Скажите пожалуйста! Встань сейчас на колени! Пошел в угол и встань! Пикнуть у меня не смей, дурья порода!

Ваничка. Больно ловки, так вот сейчас и послушаюсь!.. Я не к вам пришел, а к дяденьке.

Соломонида Платоновна *(выходя из себя)*. Молчать, постреленок!.. Говорят тебе, – на колени!

Ваничка *(осердясь)*. Как бы вот не так: что я вам, дурак, что ли, дался? Что вы ко мне пристаёте?.. Маменька у нас, уж известно... ее всякий приколотит, а меня – тибо! Дудки мной-то командовать!

Настасья Кириловна *(почти в отчаянии)*. Ваничка, перестань! Что это ты, безмозглый, говоришь.

Соломонида Платоновна *(в окончательном азаре)*

те). Вон, дурачье!.. Чтоб духу вашего не было здесь! Николай Михайлыч, вели их прогнать!

Дурнопечин. Настасья Кириловна! уведи в самом деле своего дурака; он, верно, пьян.

Ваничка. Сами вы, видно, с бабушкой-то пьяны.

Соломонида Платоновна (*вскакивая и давая Ваничке пощечину*). Вот тебе, бабушка, – раз!

Ваничка попячивается. Соломонида Платоновна бьет его по другой щеке.

Вот тебе, бабушка, – два!

Настасья Кириловна (*хватая сына за руки*). Царь небесный!.. Ваничка, что мы с тобой наделали!

Ваничка (*вырываясь у ней из рук*). Да что, маменька, иное дело: я сам сдачи дам!..

Настасья Кириловна. Уходи, разбойник этакой, проклянущ тебя, варвара! (*Почти насильно выталкивает Ваничку со сцены и сама с ним скрывается.*)

Явление III

Дурнопечин и Соломонида Платоновна.

Дурнопечин (*вставая с беспокойством*). Господи боже мой! Как это неприятно... Ну, что это такое: дерутся, шумят?..

Соломонида Платоновна (*дуя себе на руку*). Всю руку разбила... Рожка-то какая сухая! Уходили вы меня, Николай Михайлыч, с вашей роденькой, благодарю покорно!.. Так расстроилась, что возможности нет!.. (*Тяжело дышит.*)

Явление IV

Те же и Никита.

Никита. Пришел барин-то.

Дурнопечин (*про себя*). Ну, опять сцена, опять объяснения; измучат они меня сегодня, – ничему не рад.

Никита. Барин-то пришел-с.

Дурнопечин (*Соломониде Платоновне*). Тетушка, Прохор Прохорыч пришел.

Соломонида Платоновна. Слышу я... (*Никите.*)
Зови его!

Никита уходит.

(*Продолжая себе дуть на руку.*) Устала я сегодня очень; а то бы я и с этим молодцом так же справилась: я уж его учивала порядкам...

Явление V

Те же и Прохор Прохорыч.

Прохор Прохорыч (*Дурнопечину*). Вам, братец, угодно было меня пригласить... (*Увидя Соломониду Платоновну, несколько конфузится и кланяется ей низко.*) Тетушке Соломониде Платоновне честь имею свидетельствовать мое глубокое почтение и поздравить с приездом.

Соломонида Платоновна. Благодарю вас покорно, и вас с тем же, мой милый, поздравляю.

Прохор Прохорыч (*к Дурнопечину*). Я, кажется, братец, явился несколько несвоевременно. Вероятно, вы, после такой долгой разлуки, желаете с тетушкой воспользоваться родственным свиданием, а потому позвольте мне удалиться; тем более что я и свои имею очень экстренные дела.

Соломонида Платоновна. Нет уж, вы свои-то дела отложите на этот раз в сторону и побеседуйте с нами. Я хочу с вами потолковать, знаете, как обыкновенно я с вами толкую.

Прохор Прохорыч. Как вам угодно-с; но, впрочем, если только я справедливо понимаю, то, кажется, незачем и не для чего... Наши свидания не могут быть

приятны ни для вас, ни для меня. Нас бог будет судить, тетушка, с вами, – конечно, я все забыл, все простил, сколько ни был вами обижен.

Соломонида Платоновна. Да-с, вы прекрасный человек, вы бесподобный человек! Только какой это вы с Николенькой процесс думаете затевать? У вас их и без того очень много. Впору и по чужим плутовать; зачем уж заводить свои...

Прохор Прохорыч. Я не понимаю, к чему вы изволите все это говорить.

Соломонида Платоновна. Я говорю к тому: за что вы Красницу-то с него просите? За что вы с него пятнадцать-то тысяч требуете? Вот я к чему говорю.

Прохор Прохорыч. По духовной бабки Ольги.

Соломонида Платоновна. Что же это: там так и написано?

Прохор Прохорыч. Нет, не написано, а так следует.

Соломонида Платоновна. А, это следует! А мне не следует получить с вас тридцать тысяч серебром, которые отец твой у меня и у матери моей перехватил на свое мотовство; мне этого не следует с вас получить?

Прохор Прохорыч. Если уж вам, тетушка, угодно вызвать меня на откровенный разговор, то я должен прямо вам, при Николае Михайлыче, объяснить, что на вашу часть я и не имею видов-с. Я не зверь бесчув-

ственный и очень хорошо помню благодеяния, оказанные вами нашему семейству; но я говорю только про часть братца.

Дурнопечин. Как вы это только про меня говорите? Что ж вы запираетесь? Вы говорили и про тетушкину часть: вы прямо сказали, что от нее вся и каша заварилась.

Прохор Прохорыч. Никак нет-с, я никогда этого не говорил!.. Тетушка благодетельствовала нашему семейству да и моих птенцов, может быть, не забудет: я не мог этого говорить.

Дурнопечин. Не стыдно ли вам так отказываться от ваших слов? Вы еще сказали, что дай бог тетушке вечную память, – вот что вы говорили!

Прохор Прохорыч. Никогда ничего и в помыслах этого не было.

Соломонида Платоновна *(качая головой)*. Ах ты, лукавый человек! Ах ты, чернильная пиявица! Как тебя не повесят до сих пор, вот ты что мне скажи, а давно бы пора, ей-богу, пора!.. *(Стучает по столу пальцем.)* Слушай ты, приказная строка: если ты только осмелишься приходить беспокоить его с твоими подлыми процессами, он человек слабый и больной, он мой наследник, – слышишь ли? – я завтра же подам вексель ко взысканию и уморю тебя со всем твоим поトロхом в тюрьме; на свой счет буду содержать, а не

выпущу.

Прохор Прохорыч (*грустно*). Обидеть маленьких людей, тетушка, легко; но надобно вспомнить и последний конец: несправедливость вопиет на небо.

Соломонида Платоновна. Особенно за тебя, голубчик мой, за тебя особенно, я думаю, дадим мы ответ богу. Давай-ка посчитаемся: твой распутный родитель захватил тридцать тысяч. Сестрица твоя выхаживала еще при жизни у тетки пятьдесят душ, и наконец я тебе, самому, неблагодарному, подарила на свадьбу десять тысяч серебром. Ну-ко, сложи! – Сложенье-то, полагаю, знаешь: тридцать да десять сорок, да за души хоть по сту – пять... Миленькой! Сорок пять серебром, а мы с ним всего получили двести душ! Что, чем пахнет? Как у тебя, бесстыдника, язык повертывается говорить! Хорошо, что я на тебя пугало-то имею... вексель-то сохранила, а то бы совсем обобрали... Что корчишься, не нравится?

Прохор Прохорыч. По вашему векселю, тетушка, вы ничего не получите: у меня состояние все женино!

Соломонида Платоновна. Полно, так ли? А если я знаю, что у тебя ничего женина нет? Да ты скорей удавишься, чем грош жене поверишь; картофель на вес выдаешь – что ты мне говоришь, безобразный человек! а передашь ты жене состояние. Я даже теперь вижу, что в плутовской голове твоей делается. Про-

дать, – думаешь, что ли? Врешь, – завтра же наложу запрещение.

Прохор Прохорыч. Я уж ничего не могу и говорить, а должен только благодарить Николая Михайлыча, что они так восстановили вас против меня...

Дурнопечин. Что вам благодарить меня!.. Вас все очень хорошо знают и без меня...

Соломонида Платоновна (*Прохору Прохорычу.*)
Поди убирайся домой и не трогай нас, а не то худо будет!

Прохор Прохорыч (*подходя к ее руке*). Я никогда ничего, тетушка, видит бог, никогда ничего не замышлял. Конечно, как отец семейства, желал бы что-нибудь приобрести... и мои дети, тетушка, тоже ваши внуки: если не для меня, так для царя небесного вам бы следовало пощадить сирот... (*Подходит к руке Соломониды Платоновны.*)

Соломонида Платоновна. Нечего тут лизаться, ступай делай там, как знаешь, а мы будем делать свое.

Вносят полный завтрак, состоящий из колбасы, ветчины, загибенек, фаршированного поросенка, сыра, балыка и двух бутылок вина. Никита и Сергей, оба в белых перчатках, становятся у дверей.

Прохор Прохорыч (со вздохом). Неравное людям дано счастье: одни и семейством обременены, и стараются, и тут ничего не приобретают, а другим все предоставляется: тут уж говорить нечего, а на бога надобно возложить попечение.

Соломонида Платоновна. Кабы на бога ты больше надеялся, так бы было лучше, а то ты только плутовством да разными штуками думаешь жить. Отправляйся, нам пора есть.

Прохор Прохорыч уходит.

Явление VI

Соломонида Платоновна и Дурнопечин.

Соломонида Платоновна (*к лакеям*). Подавайте водку! Что ж вы стоите?.. (*К Дурнопечину.*) Выпей! – это желудочная.

Дурнопечин. Нет, тетушка, увольте; мне уж года три запрещено.

Соломонида Платоновна. Полно, глупости!.. Запрещено!.. Ужели я хуже твоего знаю.

Дурнопечин отхлебывает полрюмки.

Пей все! Что очень церемонишься, как купчиха?

Дурнопечин допивает.

Налей и мне!

Дурнопечин наливает; она пьет.

Это не та, – у меня их много сортов. Сергей! Поди принеси зеленую, что трефолью настоена... (*Дурнопечину.*) Та для тебя будет полезнее!

Сергей уходит.

Дурнопечин. Какая у вас, тетушка, славная водка – так в желудке и зажгло, как будто бы что-нибудь там ходит.

Соломонида Платоновна. Ешь загибеньки, да вон и сосисок возьми.

Дурнопечин. Ай нет-с, вредно будет; разве немного попробовать... *(Берет на тарелку и ест.)* Какие отличные загибеньки. Удивительно, как водка возбуждает аппетит... *(Берет сосисок.)*

Сергей приносит еще графин водки.

Соломонида Платоновна. Подай Николаю Михайлычу... Выпей, эта лучше.

Дурнопечин. Право, много; я, пожалуй, пьян буду.

Соломонида Платоновна. Велика важность, лучше уснешь.

Дурнопечин *(выпивает залпом и делает гримасу).* Хо-хо-хо, батюшки!.. дух захватило... Фу, какая омега. Что это такое, точно спирт стоградусный.

Соломонида Платоновна *(евши).* Водка, чем крепче, тем лучше устроивает желудок.

Дурнопечин. Чего тут лучше – отдышаться не могу:

точно колом в горло треснуло.

Соломонида Платоновна. Очень нежен некстати.

Дурнопечин (*с жадностью начинает есть*). Фу, канальство, как аппетит возбудился. Эй, черт возьми, начну катать все: что будет, то будет; двух смертей не бывать, а одной не миновать!

Соломонида Платоновна (*наливая себе и Дурнопечину по стакану красного вина и выпивая постепенно свой стакан*). Все пустяки, мой милый, у тебя истерика и геморрой, больше ничего. От истерических припадков пей по рюмке водки с гофманскими каплями, а от геморрою раза два в год пиявки ставь да мочию больше имей, а главное – женись. У меня для тебя прекрасная есть невеста.

Дурнопечин (*тоже выпивая свой стакан*). Нет, тетушка, в здешнем месте мне нельзя жениться.

Соломонида Платоновна. Это отчего?

Дурнопечин. Как вам сказать, – старая любвишка есть.

Соломонида Платоновна. Вот тебе на!.. Какой хват! Что ж такое любвишка? Мало ли, я думаю, у вас этих любвишек? Этак нигде нельзя жениться. Влюблен, что ли, в кого?

Дурнопечин. Нет, какое влюблен...

Входит Никита с шампанским.

Шампанское, однако, принесли. Разливай!

Никита наливает и подает.

Соломонида Платоновна (*беря бокал*). Рассказывай!

Дурнопечин (*выпивая бокал*). Да вы, я думаю, знаете. Помните, еще покойный батюшка все смеялся: Наденька Канорич.

Соломонида Платоновна. Вот кто! Хорошу птицу убил. Что же у тебя связь, что ли, с ней?

Дурнопечин. Ай нет-с, какая связь! Влюблена в меня была, да и теперь еще влюблена, ну мне и жаль ее.

Соломонида Платоновна (*рассмеявшись*). Что это, Николенька, и смешишь ты меня и печалишь. Неужели же ты не знаешь, что эта дура помешана на любви? Она в встречного и поперечного влюбляется, ей-то только не отвечают; а она хоть в твоего Никиту влюбится, – не хочешь ли?

Дурнопечин. Бог ее знает! Я ее лет пять не видал. Записки теперь все пишет ко мне: «умру, говорит, если вы меня оставите и презрите».

Соломонида Платоновна. Какая нежная! Отчего же она не умирала, когда другие ее презирали? Она, я думаю, человек в двадцать была влюблена, и все

ее презрели.

Дурнопечин. Я этого ничего не знаю... (*Пьет шампанское.*) Как, однако, шампанское прохлаждает. По чувствам своим, тетушка, я человек мягкий и совестливый; думаешь: девушка неглупая, чувствительная, может быть, и в самом деле влюблена... Вы не поверите, с самого приезда сюда этим мучусь; требует, чтобы я на ней женился; а я решительно не могу, да и не хочу, потому что, между нами сказать, она мне и не нравится.

Соломонида Платоновна. Есть чему нравиться, кошка ободранная! Если бы у тебя даже и было что с ней, так выкинуть надо сейчас же из головы, потому что тебе и думать даже о ней неприлично, и мне, пожалуйста, не говори больше об этом: я терпеть не могу и слушать этого.

Дурнопечин. Знаю, тетушка, видит бог, понимаю, что вы говорите справедливо. Черт бы ее драл, в самом деле, пусть умирает!.. Не умрет, я думаю... Матушка, голубушка, тетушка, выпьемте еще! (*Пьет.*)

Соломонида Платоновна. Нет, будет!.. (*Вставая с своего места.*) Я вот сейчас в собор съезжу помолиться, а ты изволь собираться: я сегодня же тебя увезу в деревню к себе.

Дурнопечин (*тоже вставая*). Хорошо, тетушка, очень хорошо! И жените меня там, ей-богу. Ужасно

ведь скучно и опасно даже жить холостому.

Соломонида Платоновна. Еще бы!.. Сбирайся!..
(Уходит.)

Явление VII

Дурнопечин один.

Дурнопечин (*ходя назад и вперед*). Бесподобно, что все так теперь устроилось: уеду в деревню, обзаведусь там женой! Но какие, однако, женщины-то плутовки: в двадцать человек Надежда Ивановна была влюблена, все ее кинули, и все ничего, а от меня умирает!..

Явление VIII

Входит Никита сильно уже навеселе.

Никита. Каноричи приехали-с, барин с барышней.

Дурнопечин (с удивлением). Как с барышней?

Никита. С барышней-с. Вас спрашивают.

Дурнопечин. Ну, скажите, что это за бесстыдство!

Девушка идет к холостому мужчине... (Никите.) Да ты бы сказал, братец, что меня дома нет.

Никита (с озлоблением). Как я могу сказать, коли они в зало вошли. Коли бы теперь свой брат пришел и коли приказанье есть, я своего брата по шее могу гнать, а супротив господ я ничего говорить не смею.

Дурнопечин. Ну, ступай, зови, если уж ничего порядочного не умеешь сделать, пьяный дуралей!

Никита. Никак нет-с, что я за пьяный!

Дурнопечин. Пошел уж, проси...

Никита идет, стараясь сохранить твердую походку.

Приму же я их, дорогих гостей: слова не стану говорить, а если сами что начнут, так так их отделаю...

Явление IX

Тот же и Михайло Иваныч с Надеждой Ивановной.

Надежда Ивановна. Здравствуйте, Николай Михайлыч!.. *(Подает Дурнопечину руку, которую тот, сконфузясь, берет.)*

Михайло Иваныч. Честь имею вам представить мою сестрицу, из дворян девицу... *(В сторону.)* Фу, как сконфузились... Ах, старые черти!

Надежда Ивановна. Я хотела быть у вашей родственницы – Настасьи Кириловны, но она куда-то уехала... *(Нежно.)* Впрочем, я желала и вас видеть.

Дурнопечин *(холодно).* Она уехала-с.

Надежда Ивановна *(немного сконфузившись).* Может быть, она скоро приедет... *(К брату.)* Я уж не знаю: не подождать ли ее нам здесь, Мишель?

Михайло Иваныч. Конечно, душа моя, надобно подождать, а то, как хочешь, неприлично: она сделала тебе столько визитов, а ты еще ни разу не была у ней. Николай Михайлыч, вероятно, не потяготится присутствием дамы.

Дурнопечин *(звонит).*

Входит Никита.

Куда ты, братец, все уходишь. Постои там, за дверьми, а то спросишь, – и никого нет.

Никита. Я и то все в лакейской.

Дурнопечин. Тебе говорят не про лакейскую, – а чтоб ты стоял тут за дверьми...

Никита становится у косяка, стараясь сохранить прямую позу.

Михайло Иваныч (*к Дурнопечину*). Что это, Николай Михайлыч, у вас лицо какое пересовращенное, кутили, что ли, вы? Да вон тут и бутылки стоят. Пошалили, видно, этак, по-ефрейторски, в одиночку.

Дурнопечин. Нет-с... мне все нездоровится... (*Садится.*)

Надежда Ивановна (*тоже садясь*). Отчего это? Что такое с вами? Помните, какие вы прежде были веселые, живые.

Михайло Иваныч. Он сердцем болен, внутри страдает.

Дурнопечин (*с насмешкой*). Нет-с. Сердцем уж пускай страдают другие, а я не очень чувствителен.

Надежда Ивановна. Вы не чувствительны? И это вы говорите, что вы не чувствительны?

Дурнопечин. Да-с, я говорю. Что ж вам тут удивительного! Прежде, может быть, когда был молод и глуп... но пора же и поумнеть.

Надежда Ивановна. Стало быть, вы совершенно забыли прошедшее?

Дурнопечин. Да и помнить из него нечего, потому что все шалости и глупости.

Надежда Ивановна. Я не думала, чтобы для вас в прошедшем все было шалости и глупости. Для меня так напротив: я живу только прошедшим.

Дурнопечин (*насмешливо*). То вы, а то я!..

Михайло Иваныч (*взглянув в окно*). Николай Михайлыч! Что это у вас под окошком, сад, что ли?

Дурнопечин. Сами видите.

Михайло Иваныч. Могу я прогуляться?

Дурнопечин. Если хотите!

Надежда Ивановна. Но, может быть, Мишель, нам пора домой.

Михайло Иваныч. Но что ж такое пора? Отчего ты не хочешь подождать, что за нетерпенье?.. (*В сторону.*) Они без меня лучше столкнутся... (*К ним.*) Я ухажу-с...

Явление X

Дурнопечин и Надежда Ивановна.

Надежда Ивановна. Итак, Николай Михайлыч, вы говорите, что совершенно забыли прошедшее?

Дурнопечин. Да почему же я должен непременно помнить прошедшее? Не романы же мне из него сочинять, не историю про себя писать... Я, кажется, еще не великий человек.

Надежда Ивановна. Я говорю не про романы и не про историю. Смеяться в этом случае не над чем, да и не совсем благородно. Я вас прошу сказать мне, по нашей старой дружбе, откровенно: отчего вы забыли прошедшее? Тут ничего нет смешного.

Дурнопечин. Я и не смеюсь, а говорю только, что время нам открывает глаза.

Надежда Ивановна. В отношении кого же время вам открыло глаза?

Дурнопечин. В отношении всех и всего.

Надежда Ивановна. В отношении всех? И вы это сказали равнодушно? Стало быть, и в отношении меня, потому что и я тоже ваша старая знакомая?

Дурнопечин. Не знаю-с.

Надежда Ивановна. Не знаете... какой любезный

ответ... *(В сторону.)* Нет, это невыносимо, он как будто бы ненавидит меня!.. *(Обращаясь к Дурнопечину с большим чувством.)* Nicolas! неужели ты совсем забыл меня, неужели ты вовсе разлюбил свою Надю? Но если ты притворяешься, так зачем это, друг мой?.. Для чего же ты мучишь себя и меня? Погляди на меня, как ты когда-то прежде смотрел. Неужели ты не понимаешь, что я пришла только видеть тебя?

Дурнопечин. И напрасно это делаете; это не совсем прилично.

Надежда Ивановна. Но я люблю тебя, друг мой, я не могу жить без тебя.

Дурнопечин. Отчего же вы без других можете жить?

Надежда Ивановна. Без кого без других я могу жить?

Дурнопечин. Да без двадцати человек, в которых были влюблены.

Надежда Ивановна. Nicolas! тебе, верно, кто-нибудь оклеветал меня; но я невинна перед тобой; я всегда тебя любила.

Дурнопечин *(отворачиваясь в сторону и с усмешкой).* С чем вас и поздравляю.

Надежда Ивановна. Nicolas! не смейся надо мной; оскорбленная женщина ужасна в гневе, она способна на все!

Дурнопечин. Что ж вы меня пугаете, что ли? Вашим братцем, вероятно, хотите утрашить? Напрасно беспокоитесь.

Надежда Ивановна. Ах, как вы ошибаетесь! Я первая заклинала брата не давать воли своему ужасному характеру, на коленях, со слезами умоляла его пощадить вас. Когда он узнал, то проклял даже меня...
(Закрывает глаза платком.)

Явление XI

Те же и Михайло Иваныч.

Михайло Иваныч. Фу, какая жара! Какая у вас, ба-
тенька, там хозяйка хорошенькая – прелесть! – Сидит,
этак, каналья, да шерсть мотает, а глаза так и бегают.

Надежда Ивановна. Мишель, поедem домой!

Михайло Иваныч. Что?.. домой?.. зачем домой?..

Отчего у тебя слезы на глазах: ты, верно, плакала?

Надежда Ивановна. Так, ничего... поедem... (*С
горькой усмешкой.*) Мы, кажется, здесь лишние.

Михайло Иваныч. Как лишние? Я не полагаю, что-
бы, после давешнего разговора, мы могли быть лиш-
ние.

Надежда Ивановна. Не знаю. По крайней мере Ни-
колай Михайлыч мне прямо сказал, что я была влюб-
лена в двадцать человек, что над прошедшим он сме-
ется и что будто бы я тебя нарочно посылала к нему.

Михайло Иваныч (*к Дурнопечину*). Вы это сказа-
ли?

Дурнопечин. Сказал-с. Что ж вам угодно от меня?

Михайло Иваныч. Как что угодно! Позвольте вам
сказать, что мне даже странно слышать с вашей сто-
роны этот вопрос: что мне угодно?

Надежда Ивановна. Перестань, брат, оставь; теперь уж все кончено.

Михайло Иваныч. Как кончено? Для меня, душа моя, не может быть кончено! Не могу же я подобные выходки сносить равнодушно. Ты сама знаешь, что мне еще никто не наступал на ногу, кто хоть немного берег свою голову.

Дурнопечин. До головы моей вам далеко, а если вы думаете, как простой мужик, драться, так для этого у меня лакей есть. Вон он стоит...

Никита несколько выходит вперед.

Михайло Иваныч (*засучивая рукава*). Хо, хо, хо, милостивый государь, как вы прытки стали!.. Пьяны, что ли, вы? Нечего за стул-то браться.

Надежда Ивановна (*к брату*). Брат, смири себя; бога ради, смири.

Михайло Иваныч. Что ж, душа моя, я готов для тебя сделать все; но тебе известен мой огненный характер: здесь оскорбляют честь твою, говорят, что я мужик, и, наконец, призывают лакея в защиту себе. Подобные вещи могут делать только такие подлецы, как этот господин.

Дурнопечин. Подлецы вы, а не я. Когда начали так поступать, так убирайтесь вон!

Михайло Иваныч (*вскрикивает*). Молчать!

Дурнопечин поднимает при этом на воздух стул. Никита к нему приближается.

Надежда Ивановна (*кидаясь между братом и Дурнопечиным*). О, бога ради, умоляю вас: прекратите вашу ужасную ссору.

Михайло Иваныч (*грозя из-за сестры пальцем Дурнопечину*). Твоя башка остается па плечах единственно по милости этой слабой женщины.

Надежда Ивановна. Брат, я еще раз тебя умоляю...

Михайло Иваныч. Я ничего и не делаю! На человека, которому в глаза говорят, что он подлец, а он отвечает только, что он не подлец, действительно не стоит сердиться, а надобно плевать.

Дурнопечин. И я на вас также плюю.

Надежда Ивановна (*стремительно*). Пощадите меня оба хоть сколько-нибудь... (*Дурнопечину*.) Прощайте, Николай Михайлыч! Укорять я вас больше не стану: ваша собственная совесть скажет вам, как вы черно и неблагородно поступили с любившею и никогда ни словом, ни взглядом не изменявшею вам женщину... (*Уходит с достоинством*.)

Михайло Иваныч (*тоже идя за ней и на минуту*

оборачиваясь к Дурнопечину). За все эти страдания бедной сестры моей я должен был бы пустить тебе пулю в лоб; но, к счастью твоему, ты свинцовой не стоишь, а я влеплю тебе когда-нибудь деревянную...
(Уходит.)

Явление XII

Дурнопечин и Никита.

Дурнопечин. Ну да, проваливайте. Тронуть небось не смел!.. *(К Никите.)* Каков народец, а?

Никита. Да-с, нечего сказать, и на господ-то не похожи. Только бы он тронул вас, я бы ему задал феферу.

Дурнопечин. Ты бы его больно приколотил?

Никита. Не дал бы спуску. Мы попросту, по-мужицки: бей по шее, пятен не видать.

Дурнопечин. Ты бы, знаешь, его с ног сшиб, а я бы его стулом.

Никита. Как бы пришлось, озорник этакой!

Дурнопечин. Теперь, пожалуйста, братец, никогда их не пускай ко мне: как придут, так и гони без всякой церемонии. Не бойся, ничего не будет. Поступай смелее.

Никита. Я-то, сударь, ничего, вы-то уж очень сумнительны да робки.

Дурнопечин. На меня это, Никита, временем находит; сегодня видел, какая штурма была, как бы, кажется, не испугаться, а ничего, решительно ничего.

Никита. Струхнули маненько.

Дурнопечин. Нет, ей-богу, нет!

Никита. Было, Николай Михайлыч, право, было, и в лице немного переменялись. Ну да и то сказать: вы хмельненьки сегодня маненечко, это тоже куражу-то прибавляет.

Дурнопечин. Это вот может быть. Ты, Никита, тоже сегодня выпил.

Никита. Выпил, батюшка, грешным делом, выпил: сначала порасстроился тем, что тетенька-то ваша меня очень уж пообидела, а тут пришел в погребок за вином, купец знакомый: «Вы, говорит, у нас вино всегда хорошев и дорогое берете – на тебе!» – три стаканчика и поднес.

Дурнопечин. Это ничего! Я тобой доволен, и со мной вот еще выпьем... *(Наливает себе и Никите по стакану.)* Пей!

Никита. Благодарю покойно, сударь... *(Пьет залпом.)*

Дурнопечин. А теперь давай петь, – помнишь эту нашу студенческую песню? Подпевай... *(Поет, при-топывая ногой),*

Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,
Предстань, предстань пред нас скорей,
Большая серебряная кружка!

И нам в тебя
Давно пора
Налить винца
И петь: ура, ура, ура!

Никита, растопылив руки, тоже додпевает.

Явление XIII

Те же и Соломонида Платоновна.

Соломонида Платоновна. Славно, какие певцы выискались!.. *(Сердито Никите.)* А ты бы, кажется, мог и помолчать.

Никита сконфузившись и робко отходит и становится взади, в стороне.

Дурнопечин. О, матушка, тетушка, за каким вы нас делом застали... *(Целует у нее руку.)*

Соломонида Платоновна *(садясь в кресло и насмешливым тоном).* Ты вот все насчет предмета-то страсти своей беспокоился... *(Никите.)* Позови эту дуру Кириловну... Она тут в зале стоит...

Никита *(заглядывает за дверь).* Пожалуйте-с!

Входят робко Настасья Кириловна и Ваничка.

Соломонида Платоновна *(Настасье Кириловне.).* Поди сюда, рассказывай ему, что мне сейчас говорила... *(Показывает на Дурнопечина.)*

Настасья Кириловна. Насчет Ванички-то моего,

бабушка?

Соломонида Платоновна. Да!

Настасья Кириловна (*Дурнопечину*). Женится, батюшко, на Надежде Ивановне Канорич, женится. Вы, кажется, изволите ее знать?

Дурнопечин (*выпучив глаза*). Что это ты за пустяки городишь?

Настасья Кириловна. Ай нет, батюшко, смела ли бы я перед вами и перед бабушкой лгать?

Соломонида Платоновна. Что гримасу скорчил?.. Не верится все.

Дурнопечин. Но этого быть не может-с! Надежда Ивановна сейчас была здесь, и когда же она после того могла дать свое согласие?

Настасья Кириловна. Да ведь, дядюшка, давно тоже промеж нас шел разговор об этом, только она все говорила: «Повремените!» – говорит, а теперь вот я шла с Ваничкой, чтобы попросить у бабушки прощенья за давешнее, она встретилась мне на дороге и говорит, что согласна: «Брату, говорит, оказала, и тот не отсоветывает...» Главное па свадьбу-то теперь ничего не имею... Просила было у протопопицы сто рублей... «Нет, говорит, теперь».

В продолжение этих слов Настасьи Кириловны Сергей подал Соломониде Платоновне письма.

Соломонида Платоновна (*пробегая одно из писем и обращаясь к Ваничке*). А ты что же, объяснялся ли в чувствах своих с невестой?

Ваничка. Объяснялся-с!

Соломонида Платоновна (*читая письмо*). Теперь, что ли?

Ваничка. Нет-с... летом еще.

Соломонида Платоновна (*продолжая читать*). Ну!

Ваничка. Да что ну!.. Мы в горелки играли... Она и забежала в сарай с соломой, а я за ней, – ловил ее!.. Ока взяла да и толкнула меня на солому-с, а я ее тоже потянул туда... тут мы и поцеловались.

Соломонида Платоновна (*Дурнопечину*). Видишь, как она к тебе твердо верность-то хранила... Ах вы, дурачье, дурачье круговое! Нечего, впрочем, тут проклажаться-то! Изволь сейчас же одеваться и поедем!.. Мне надобно еще в аптеку заехать: пишут, что холера около нас началась.

Дурнопечин (*побледнев*). Вот тебе на! Еще новость? В таком случае, тетушка, я не поеду.

Соломонида Платоновна. Это отчего ты не поедешь? Спрячешься, что ли, ты от нее?

Дурнопечин. Нет-с, не поеду... Я теперь даже никуда из комнат выходить не буду.

Соломонида Платоновна (*вспыхнув даже в лице от гнева*). Нет, ты поедешь: я не позволю тебе над собой дурачиться!.. (*Подходя к Дурнопечину, людям.*) Дайте мне его шинель!

Никита подает.

(*Дурнопечину.*) Надевай!

Дурнопечин (*артачась было*). Но, тетушка...

Соломонида Платоновна. Нечего тут: тетушка! Надевай сию же минуту и надевай хорошенько... в рукава... вот так!.. (*Сама торопливо застегивая воротник у шинели Дурнопечина, – людям.*) Шапку и калоши ему...

Настасья Кириловна подает шапку, а Никита калоши. Дурнопечин надевает то и другое.

(*Людям.*) Ведите его и сажайте в коляску.

Никита и Сергей приближаются к Дурнопечину, но он махает только рукой и сам идет. Никита и Сергей следуют за ним. Настасья Кириловна и Ваничка тоже почтительно провожают его.

(*С каким-то почти азартом полуобращаясь к пуб-*

лице.) Этакие нынче мужчины стали – ей-богу! И на мужчин-то не похожи!.. Прежде баб, женщин даже этаких не было: мозглые какие-то!.. хилые!.. трусы!.. дрожжовики!.. Тьфу!

Занавес падает.

Примечания

Впервые – в журнале «Москвитянин» (1851, No 1). Критические отзывы о комедии – как печатные, так, видимо, и устные, вынудили Писемского вернуться к работе над текстом, хотя автор испытывал некоторую растерянность от разноречивости суждений. После запрещения пьесы театральной цензурой (1852) Писемский обращается к М. П. Погодину: «...за Ваши хлопоты о моем „Ипохондрике“ я несказанно благодарю: по совету вашему я начал его переделывать, но в сильном затруднении, что именно изменить: вы писали, чтобы я старался приноровиться к литературным замечаниям, но их почти не было. „Современник“, например, сказал, что в комедии нет общей завязки, от которой бы все вытекало; может быть, это и справедливо, но изменить невозможно. „Библиотека для чтения“ наговорила вздор какой-то; „Отечественные записки“ отозвались желчно и только. Какими же советами прикажете пользоваться. Одно, что мне кажется самому, она длинна немного и поэтому я хочу ее сократить» (*Письма*, с. 51).

Последний этап авторской работы над текстом – редакция, закреплённая в издании «Комедии, драмы и трагедии А. Писемского», части I и II, М., 1874.

В 1855 году после долгих хлопот было получено цензурное разрешение на постановку «Ипохондрика», и пьеса была впервые сыграна в Петербурге 21 сентября 1855 года и прошла шесть раз.

Рецензент «Библиотеки для чтения» писал: «С удовольствием обращаемся к прекрасной комедии г. Писемского», «...характеры действующих лиц взяты с натуры и очерчены автором превосходно; язык каждого лица верен характеру, в пьесе очень много сцен истинно комических – вот неотъемлемые достоинства пьесы Писемского, комедии очень умной». Однако, по мнению критика, герой – лицо «до крайности скучное» и пьеса растянута. «Г. Мартынов в неблагоприятнейшей и трудной роли Н. Дурнопечина был безукоризненно хорош» («Библиотека для чтения», 1855, т. 133, октябрь. Смес., с. 151—152). «Современник» отметил успех спектакля, но довольно резко упрекнул комедию за то, что в ней «нет и намека на мысль, перед вами развивается ряд живых сцен, мимо которых вы проходите в действительности и без сочувствия, и без негодования». (См. Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 9. М., 1950, с. 572. Авторство приписано Некрасову предположительно.)

Писемский об исполнении своей пьесы отозвался сдержанно: «...выполнена она прилично, но и только». В этом же письме, отметив, что в массе публики

она не имела успеха, автор проанализировал причины этого (*Письма*, с. 87).

В Малом театре комедия была поставлена в 1857 году в период расцвета его замечательной труппы. Рецензент петербургской газеты «Театральный и музыкальный вестник» писал об этом спектакле в отделе «Московский вестник»: «...но надо быть в Москве и видеть, что делают из этой сухой и отчасти скучной пьесы здешние артисты, ее исполняющие, чтобы оценить, как много значит игра артистов во всяком подобном произведении... Взгляните на г. Шуйского в Прохоре Дурнопечине, на г. Садовского в Николае Дурнопечине, на г. Васильева в Ваничке, на г-жу Рыкалову в Соломониде Платоновне, взгляните на всех артистов в четырехактном „Ипохондрик“ и скажите, что может быть художественнее его исполнения» («Театральный и музыкальный вестник», 1857, 17/XI, с. 622).